

КАВКАЗ

(LE CAUCASE)

**ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ**

L'adresse de l'administration : 10, rue de Plelo, Paris (15^e)

№ 3/51

МАРТ 1938 Г.

№ 3/51

СОДЕРЖАНИЕ :

Тревожные дни.

В. Оленин — Московский лубок.

Меморандум грузинских меньшевиков.
Кавказ и Турция.Энрико Инсабато — Турко - татарское
пробуждение.

Азад-бей — Прискорбный документ.

Тамбий Елекхоти — Русско-японское
соперничество.З. Авалишвили — О “носящем барсову
кожу” Руставели.

Мих. Кедия — Вокруг “Кавказа”.

Алискант — В кружке изучения Кавказа.

Обзор Печати.

Хроника.

28 марта 1938 г.

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ

ХОТЯ переживаемая нами эпоха и целиком является тревожной, тем не менее и теперь бывают отдельные дни и недели, когда взаимоотношения государств, да и условия их внутренней политической жизни напрягаются с особенной силой в атмосфере накаленной температуры, вот-вот грозя как бы неминуемым взрывом.

Такие именно дни были только что пережиты Европой. На этот раз пока

что взрыва удалось избежать, и атмосфера временно, быть может только временно, но все же разрядилась без грозы, без смертоносных ударов молнии, — нависшие тучи как будто немного расходятся, на несколько дней вперед даль проясняется.

События чередуются сейчас с такой быстротой, что наш журнал, выходящий лишь раз в месяц, не может подробно останавливаться даже на крупных политических фактах, порой первостепенного значения, которые в общем известны нашим читателям из ежедневных газет.

Сейчас все так сплелось, так связано одно с другим, что трудно вырывать отдельные моменты и эпизоды развивающихся общих событий, трудно улавливать руководящие линии и подводить итоги.

Тем не менее события последних недель так значительны, так важны, что приходится хоть совсем вкратце на них указать, стараясь вникнуть в исторический смысл совершающегося, ибо на наших глазах подлинно творится история.

Центральным отправным пунктом является, конечно, так называемый “аншлусс” — присоединение Австрии к Третьему Рейху. Тут важны два основных момента: во первых, то колоссальное значение, какое имеет этот факт для Германии, для ее политического будущего, военных позиций в центре и на востоке Европы, для ее престижа во вне и авторитета власти внутри страны, и во вторых — та легкость, с какой была проведена и удалась эта операция, показавшая как подлинные настроения зарубежных немцев, так и быстроту признания совершившегося факта не только ближайшими соседями, но и всеми вообще державами Европы. А ведь сколько перед тем говорилось строгих и непреклонных слов в защиту независимости и неприкосновенности Австрии! Ведь дело происходит не где то в колониях, а в самом центре Европы. Тем не менее никто не шелохнулся. Отсюда сами собой напрашиваются очень многие и очень значительные выводы. Не будем на них настаивать, назовем пока лишь один — может быть самый маловажный, но для всех очевидный и показательный: куда же, черт побери, провалилась Лига Наций?

Рядом с германским “аншлуссом”, имеющим огромное значение для всего будущего — другой факт, во многом ему родственный, того же государственного порядка, но иной в своем течении и осуществлении — ультиматум польского правительства Литве. Умный и деятельный варшавский министр иностранных дел Бек, один из самых зорких государственных людей Европы, уже давно понял и усвоил, не скрывая, методы реальной политики прямых взаимоотношений без ненужного и вредного посредничества коллективной женевской болтовни. Он это громко высказывал на женевских заседаниях, рискуя своей популярностью в городе международных интриг, еще насыщенном былым красноречием Бриана, Бенеша и Титулеску. Ведь Польша и Литва — два государства этнически родственных, а главное — очень тесно связанных, можно сказать, спаянных, вековым историческим прошлым. Те враждебные отношения, которые создались между ними, только раздувались международными интригами, и не Лиге Наций, конечно, предстояло их изменить и прекратить междоусобную рознь поссорившихся братьев, — тут нужны разговоры “с глазу на глаз”, нужен был реприманд старшего брата — польский ультиматум, перед которым Литва капитулировала, в сущности, в собственных своих интересах. Как и в австрийском вопросе — выводы громадны, почти неперечислимы. Это только начало событий данного района, которые всльются благодетельной волной во все неизбежные бури центра и востока Европы, выдвигая творческую роль Польши. Не будем опять слишком настаивать на этих выводах, — укажем лишь на

один — самый для нас важный и столь показательный. Руководители Советской России, в частности Литвинов, не могут, конечно, непонимать, чем все это грозит Москве с ее пограничной Белоруссией, и как жизненно была Москва заинтересована в противодействии Польше. Но если несмотря на все свои прежние обещания, на почти союз, на совпадение интересов, Литву не поддержал Литвинов, несмотря на всю созвучность, то ясно, до полной очевидности, что по очень и очень многим причинам, о которых мы говорили уже не раз и будем говорить еще, Россия воевать сейчас не хочет и не может.

Сталину не до войны. У него есть гораздо более спешные и неотложные личные дела по организации террора, — большинство главных своих военачальников он уже истребил, а оставшимся тоже не доверяет и их боится. Он вновь связал армию всякими политическими сыщиками и чекистами, и не он, конечно, даст ей власть, неизбежную во время мобилизации и войны. Все, кто возлагают свои надежды на военную помощь России, будут жестоко обмануты в решительную минуту. В лучшем случае Москва пошлет несколько десятков аэропланов с сомнительными летчиками, да и то: послать их в Чехию — это уже другое, чем послать в Испанию. Из Испании Россию в войну против воли не втянешь, а ведь рядом с Чехией — Германия, Польша, Венгрия, Румыния. Очень ошибутся чехи, если уповают на московскую помощь. Большевики очень хотят европейско-войны, — в этом отношении они работают в полном единении и на одном пути со всеми “дьявольскими” силами мирового беспорядка, вы-

ступающими под самыми разнообразными знаменами, но себя ставить под эту угрозу они вовсе не желают. В этом отношении последний польско-литовский инцидент, пожалуй, еще более яркая иллюстрация, чем события на Дальнем Востоке.

Но ни германский “аншлусс”, ни ультиматум Польши не дали Европе таких тревожных дней за последние недели, как развал “красных” оборонительных линий в Испании и победное продвижение войск ген. Франко к границам Каталонии, теперь уже перейденным. “Счастье боевое”, по выражению поэта, решительно склоняется сейчас направо. По мнению многих обозревателей и корреспондентов, победа испанских националистов уже не представляет вопроса.

Вот почему все мировые руководители и сторонники “левой” политики, прежде всего международного марксизма — стали нажимать, где только возможно, во имя интервенции, в пользу “республиканской” Испании. Нельзя допустить еще одного диктатора, хотя бы ценой всеобщей войны. А ведь коммунисты ее то и хотят. Францию запугивали новой враждебной границей в Пиренеях, Англию — угрозой Гибралтару и морским сообщениям.

Но спокойный, умный, независимый в своих мнениях премьер Великобритании Невилль Чемберлен, судил иначе. Он не пацифист на словах и потому не получит Нобелевской премии мира, а в сущности он ее достоин. Англия должна быть готова ко всяким случайностям, — для того она и вооружается, но каждое событие надо брать в свое время в его фактической обстановке, не подчиняясь отвлеченным теориям и не принимая впе-

ред невыполнимых или слишком опасных решений. Так вкратце можно резюмировать мысли, положенные в основу программной речи премьера в Палате Общин. Конкретно — он твердо стоит за невмешательство в испанскую гражданскую войну, оставляет Англии свободу действий на континенте без формальных союзов, не расширяя ее прежних обещаний и обязательств, не настаивая на коллективной безопасности, при всем принципиальном сочувствии Лиге Наций.

Во Франции все более крепнет созна-

ние необходимости образовать национальное правительство без той или другой предвзятой идеологии. Если в итоге этих сознаний Москва будет совсем устранена от влияния на европейские дела, естественный ход дальнейших событий может быть не будет уже порождать таких ежеминутных тревог, как все это последнее время.

Москва, в сущности, фактически отходит сама, — не надо только ее притягивать и ей помогать. И в особенности — не надо на нее рассчитывать.

В. ОЛЕНИН.

Московский лубок

МОСКОВСКИЙ процесс “правых троцкистов” (что за нелепая комбинация!) и дипломатов - шпионов пришелся очень не по вкусу всем левым группировкам, обычно выступающим, изображая собою мировое общественное мнение. Давно уже Сталин им действует на нервы, не подчиняясь решительно никаким общим директивам и совершенно не считаясь с их мнениями и оценками. Право, несмотря на всю свою кровожадность, он почти симпатичен в этой своей независимости. Так и хочется сказать: молодец горнец — настоящий кавказский разбойник!

— Что хочу — то и делаю! Не вы интернационал, а я! Не вы Коминтерн, а я! Нравится — рукоплещите, не нравится — протестуйте, — на то и на другое

мне наплевать. За свои деньги позвольте повеселиться, как понимаю и как душа просит.

Разумеется, это не совсем так, и Сталину сейчас не до веселья. Но мировому общественному мнению он не потакает и спуска не дает. Это их дело — приспособляться, а он идет своей собственной линией кремлевского узурпатора власти, опираясь на свой былой опыт интернационального террориста и стараясь вместе с тем возглавить новую революционную российскую государственность. Линия эта неминуемо его ведет к гибели, потому что у российского великодержавия нет никакой опорной почвы, а террор, чем он кровавее, тем ближе к своему завершению, к неизбежному роковому самоистребле-

нию. Такова уже природа террора, его историческая судьба.

В связи с последним (последним, конечно, относительно, до сегодня), с этим столь нашумевшим процессом Бухарина, Рыкова, Ягоды, дипломатов-шпионов, предателей-комиссаров и врачей-отравителей мне приходится повторить то, что говорил я в октябре по поводу двадцатилетия советской власти: "все тут идет к развалу, к новому окончательному хаосу, — и мечется в предсмертной агонии запутавшийся диктатор, которому невольно приходится всюду кругом видеть вредителей, изменников, шпионов, продающих государственное дело, которое валится из рук... Сталин гонит и убивает, что ни день, своих чиновников и сподручных, производя впечатление одержимого и затравленного охваченного манией преследования".

Недавний громкий процесс — только лишняя и очень яркая иллюстрация высказанных положений. Для нас, для нашего журнала — в этом процессе ничего нет удивительного и мало нового, но и сам по себе и по всемирным своим отголоскам он, конечно, интересен, и стоит на нем хоть вскользь остановиться.

Разбираться в подробностях обвинений незачем, — их бессмысленность самоочевидна. Поражаешься только тому, до чего все это сделано грубо, — на какую невежественную, тупую публику рассчитано.

Раковский, советский посол в Лондоне, оказывается, в годы своего там пребывания уже был агентом британского Интеллидженс Сервис — государственной контр-разведки, потом работал

для Японии. Вообще, куда бы ни попали советские дипломаты, они немедленно переходят на службу к тем правительствам, где были аккредитованы. Так как Крестинский много лет сидел в Берлине, и надо сказать — деятельно потрудился в интересах сближения России с Германией, он теперь объявлен немецким шпионом, предателем советской Москвы. То же самое с Розенгольцем.

И это не какие-нибудь второстепенные дипломаты и рядовые члены ведомств — это в первую очередь "полпреды" и "наркомы" — т. е. послы и министры — собственной своей персоной. И не в каких-нибудь отдаленных, мало значущих странах, а в самых главных мировых центрах — в Берлине, в Париже, в Лондоне, в Токио — всюду, где творится большая великодержавная политика. Можно ли было думать, что Раковский, насчитывавший столько друзей в руководящих кругах Парижа, на самом деле был изменником Москвы, и что дружба с ним и ею поддержанная политика сближения была политикой, творимой с государственным преступником? Или Крестинский, добившийся в Берлине серьезных и прочных отношений в развитие и закрепление связей Рапалло, в сущности связывал своих немецких друзей и покровителей не с доверенным полпредом, а с человеком, которого Москва вслед за тем схватит и расстреляет. Какая после этого цена тем, кто еще здесь, кто еще не лишен прерогатив дипломатического звания, — можно ли и стоит ли иметь с ними дело, всерьез разговаривать?

Ведь завтра та же катастрофа может случиться с Майским, с Сурицом, с кем угодно. Одни окажутся агентами контр-

разведки, другие — “кагулярами”, левыми или правыми “троцкистами”, во всяком случае, людьми, к которым упаси Бог приближаться.

Российская революция не выдвинула и не выдвигает крупных фигур, и на этом безлюдье Джугашвили - Сталин вырастает в московского Робеспьера, не встретившего до сих пор ни более сильного соперника, ни организованной самообороны в верхах или в низах. Он справился и с крестьянством и с привилегированными — партийными и безпартийными, штатскими и военными.

Если бы в свое время Робеспьера оставить безчинствовать дальше, было бы тогда во время французской революции такое же бессмысленное развитие кровавого террора, такое же избиение людей, как сейчас в России. Ведь Робеспьер тоже производил впечатление помешанного. В известной стадии террор уже дальше остановиться не может, и каждый Нерон будет свирепствовать до тех пор, пока самому не придется куда-то бежать, спасаясь от убийц, и все же погибнуть.

Но в разных странах есть свое особое. В России все совершается медленно, на больших пространствах и большими сроками. Не видно людей, не видно сознательных организаций, — невежество, непонимание, бессилие. Слепой, крепкий “задним умом”, привыкший к рабству народ Великороссии.

Но вернемся к московскому “судебному процессу”. Обвинения, конечно, лживы и явно бессмысленны. Доказательств ровно никаких. Вот почему прокурор так теряется и бесится, когда подсудимые вдруг говорят: “нет!” Все покоится на их безоговорочном пассивном

признании совершенно замученных, физически и нравственно конченных, искалеченных людей. И эти “нет” — только “светлые интервалы”, какие то проблемски сознательного протеста. Потом обезличенные “роботы” вновь повторяют свои затверженные самообвинения, — нормальный порядок восстанавливается: это уже не люди, а человеческие тени.

Тем не менее и из текста обвинительного акта и из отдельных внезапных объяснений ясно вырисовывается достаточно таки проглядывающая картина несомненного и большого неблагополучия в стране. Власть целиком сейчас сосредоточена лишь в аппарате этого самого террора, но все меньше и меньше становится людей, благополучие которых с ним связано. Большевицкий кровавый гнет никогда не охранял частных интересов гражданина, — прикрываясь демагогией, он охранял какой то строй, которым кое кто пользовался. Так вот этих обслуживаемых становится все меньше и меньше буквально с каждым днем, — редеет вокруг Сталина среда заинтересованных в советском строе вельмож — и, ох! как уже поредела...

Не будем говорить о сотрудниках Ленина, об его давних соратниках, о большевиках первого призыва, — последний из них исчезает теперь — Рыков. Но возьмем, например, Бухарина. Ведь это был идеолог коммунизма, главный редактор официальных советских газет, которого недавно еще отправляли в Европу для ответственных пропагандных выступлений, для открытого служения задачам Коминтерна — его в левых кругах знали и ему верили, он давал директивы. Объявить такого человека врагом, предателем, да

еще шпионом, — надо было очень подумать, прежде чем это сделать, если только считаться со своими друзьями в Европе.

С другой стороны — Ягода. Это, конечно, совсем уже не то но в советском организме это была такая важная кость в самом позвоночнике, что ампутировать ее следовало бы с большой осторожностью, а не просто так: мерзавец, отравитель, шпион — расстрелять! Но ведь сколько же времени этот самый мерзавец был оплотом и опорой режима.

Если бы еще, по крайней мере, дело касалось тех или других лиц определенного направления, устранение которых могло бы претендовать на популярность (как, напр., обвинение Ягоды), но ведь в одну кучу валят людей по самым разнообразным причинам, сближая их между собою, в сущности, совершенно бесвязным обвинительным актом, не устанавливающим какого либо единого заговора, а лишь повторяющим все те же страшные слова: предатель, шпион, троцкист.

Впрочем, на этот раз проглядывает и новое: “буржуазный национализм”. Этот термин касается лишь некоторых обвиняемых, но среди целей и задач предательства все чаще и настойчивей повторяется, как главная и общая для всех цель: отторжение от Советского Союза отдельных территорий по директивам соседних государств — Германии и Японии. Вот оно что, — вот, куда метит обвинение, отягчая вину подсудимых. Вот тот кошмар, который висит угрозой над московской властью и открыто ею признается, как какая то повальная болезнь, заразная эпидемия, охватившая руководящие круги советских сановни-

ков: дипломатов, военачальников, комиссаров, самых столпов коммунизма — доктрины и строя.

Сталин и его новый сподручный Ежов, видимо режиссирующий обвинения, сами очевидно не отдают себе отчета в той картине, которую создают, связывая всех, кого только хотят устранить, этим узлом государственной измены. Оказывается, по официальной версии обвинения, что на советских верхах только о том и мечтают, чтобы раздробить Россию, отваливая целыми областями враждебным Москве государствам, — да не только мечтают, а при первом же соприкосновении прямо переходят на службу этих государств. Раковский работал для англичан, Крестинский для немцев, Юренев для Японии и т. д.

Единственные порядочные люди — это те, которые уже умерли. Их безупречную службу, их священную память свято чтит Сталин. Так свято, что к московскому процессу пристегнули даже в качестве обвиняемых тех врачей, которые их лечили и допустили переселение на тот свет. Раз допустили, то значит — вредители. Примитивный ум авторов процесса, к тому же родственный и примитивным восприятиям советской публики, делает отсюда вывод к постановке обвинения: Куйбышева, Менжинского, Горького — отравили лечившие их врачи. Сам Ленин фигурирует в качестве жертвы, к которой подбирался кое кто из подсудимых.

До чего все это нелепо и грубо — даже как то стыдно говорить. Но ведь бывали же лубочные картины, изображавшие войну, торжества или преступления, на которые стыдно было и до

смешного дико смотреть, но которые все же очень нравились в России именно своей аляповатостью, украшая стены простонародных жилищ, лакейских и других служебных комнат. Может быть и сейчас грубая бутафория московских процессов вполне соответствует уровню понимания российской демократии.

“Судебный процесс”, о котором мы говорим, очевидно, не последний, Сталин, повидимому, еще успет казнить и других из своих опричников. Уже сейчас есть соответствующие сведения, называются имена арестованных и обреченных, есть слухи о новых смещенных генералах, об опале видных представителей режима. Не все казни подлежат предварительному “суду”, — с несговорчивыми, нераскаявшимися расправляются и без этой процедуры — как, напр., с кавказцами — Енукидзе и Караханом. Но будем все же надеяться, что Ежов доберется до Ворошилова и Литвинова в гласном судебном порядке, и что мы еще услышим, как главный маршал красной армии организовывал советскую военную силу в помощь Хитлеру, а министр иностранных дел и полномочный московский представитель в Женеве нарочно вредил России, содействуя развитию и укреплению антикоммунистического блока. Все это вполне возможно и даже вероятно. Что тогда скажут европейские друзья недавнего женевского фаворита — г.г. Иден, Эррио и др., столь часто подчеркивавшие эту свою дружбу?

Что касается самих — Сталина и Ежова — то они несомненно сейчас ра-

ботают против Москвы, против ее престижа, действительной или предполагаемой силы, — и работают упрямо, усердно и успешно. В левых социальных кругах, для которых красная Москва со своими государственными ресурсами и была, и главное — намечалась основным оплотом нужных им международных потрясений и побед—большое и уже нескрываемое смущение, близкое к панике. Что он, на самом деле, совершает — этот кавказский самодур, не признающий интернациональных авторитетов с их обязательными директивами? И откуда выпрыгнул этот неведомый, маленький анархист — истинно русский Ежов? Они путают все карты большой международной игры.

Не только левым группировкам, но и всем правительствам и государственным “демократическим” деятелям, выполняющим задания партийных клубов и закулисных лож, — Сталин сейчас поперек горла. А вместе с тем даже и выругаться слишком громко нельзя.

Московский лубок последних процессов может быть и нравится в России, даже наверное нравится, потому что многие подсудимые глубоко ненавистны населению, но более сложным и утонченным вкусам мирового левого блока он, разумеется, только страшен.

Россия была всегда страной сюрпризов. Остается ею и красная Москва. То ли еще будет? Пошли, о судьба, еще на некоторое время здоровья Сталину и Ежову!

В. Оленин.

Меморандум грузинских меньшевиков *)

Кавказ и Турция

СОСЕДАМИ Кавказа с обеих сторон были великие державы, находящиеся в состоянии вечного соперничества и войны: на Севере — Россия, на Юге — Персия и Турция. Первая продвигалась с большой быстротой на Кавказ, чтобы проложить себе прямой путь для форсирования границ и подчинения держав — соперниц. Независимые народы Кавказа ее от них отделяли. Они заграждали дорогу на Юг самой сильной из них державе — России, и защищали таким образом более слабых, как Персия и Турция, от нашествия.

При наличии этих обстоятельств какова должна была быть политика этих государств по отношению к Кавказу? Совершенно очевидно, что в интересах России было уничтожение этой преграды и превращение ее в русскую военную базу, тогда как интерес двух других государств диктовал, наоборот, закрепление и сохранение кавказской независимости, которая являлась наилуч-

шим способом защиты от русской экспансии.

Проблема эта, однако ж, не была понята ни Персией, ни Турцией; они применили по отношению к Кавказу политику аналогичную политике России и искали его завоевания.

При наличии Армении давно уже подчиненной и Азербайджана, ставшего данником Персии, в Закавказье оставалось только одно свободное государство, христианская Грузия. Оба государства, бывшие дотоле соперниками, соединились, чтобы покончить с нею. Согласно договору, который был ими подписан в 1635 г., наибольшая часть восточной Грузии, Карталиния и Кахетия — была провозглашена зависимой от Персии. Остающаяся часть — Самтсхэ-Саатабаго (Месхетия) и вся западная Грузия оставлена была под турецким протекторатом. Принявши это решение, оба эти государства стали применять к Грузии политику не одинаковую. В виду того, что границы Персии не соприкасались с границами Грузии, Персия довольствовалась исключительно взиманием точно определенной дани с территории, на которую она претендовала. Турция, наоборот, имела непосредственную границу с Грузией, что облегчало возможность нашествия. Линия ее поведения в виду этого была следующая: завоевание и прогрессивная аннексия территории и мусульманизация грузин — жителей этой территории. В течении 2-х

*) В прошлом номере (см. "Кавказ" № 2/50, передовая статья Гайдара Баммата) мы указывали, что находящиеся в эмиграции в Париже остатки бывшего меньшевицкого правительства Грузин нашли момент подходящим, чтобы выступить с политическим меморандумом, представленным правительствам "фашистских" стран. Приводим сейчас из итальянского журнала "Корриере дипломатико е консуларе" весь текст этого изумительного документа. Ред.

веков (17 и 18) шла работа в этом направлении, и к началу 19 столетия, в ее руках находилась уже четвертая часть Грузии, а именно все юго-западные части ее: Ардаган, Месхетия, Ольтичи, Артвин и Батум, с населением насильно обращенным в мусульманство. Завладев таким образом колыбелью грузинской культуры, Месхетией, Турция стала этим путем угрожать сердцу Грузии — Карталинии и Имеретии. Паша Ахалцыха сделался главным агентом ассимиляции этих местностей. Именно эта политика по отношению к Кавказу решила судьбу Персии и Турции. Угрожаемая со всех сторон христианская Грузия увидела себя в необходимости, для сохранения своего физического существования, обратиться за протекторатом к России и открыть ей свои границы. Обосновавшись в Тифлисе, Россия мало по малу овладела разными частями Кавказа. Сделавшись непосредственным соседом Персии и Турции, она предприняла безконечные войны с этими странами, которые все окончились в ее пользу.

На Северном Кавказе оставалось два независимых государства: Черкесия и Дагестан. Из них одна только Черкесия была под протекторатом турецким, хотя Англия провозгласила ее независимой в 1838 году заявлением премьер-министра Пальмерстона. Но Турция вовлекла ее в Крымскую войну на своей стороне, и когда турецкая коалиция восторжествовала, имя Черкессии не было даже упомянуто в мирном трактате, заключенном в Париже в 1856 г. Таким образом, Турция оставила свою союзницу на произвол России, получив в обмен за это другие компенсации.

Россия отомстила ужасающим спосо-

бом: почти все население черкесское было выселено морским путем в Турцию. Так погибла свободная Черкессия и погиб этот благородный, рыцарский народ.

Кавказская политика Турции совершенно очевидно характеризуется одной и той же вечной чертой: отрицанием независимости Кавказских государств и использованием этих территорий и народов в интересах своих преходящих выгод.

Перемена режима, внесла ли она какое либо изменение в эту политику султанов? Нисколько. Недавнее прошлое нам это доказало.

В 1917 г. великая революция разразилась в России. Три народа Закавказья создали независимое федеративное государство с парламентом в Тифлисе. Северный Кавказ должен был вскоре присоединиться к этой федерации. Россия оказалась отброшенной за пределы Кавказа, который вернулся к положению, существовавшему до 19 века. Позвоительно было думать, что Турция Энвера и Кемаль паши попробует воспользоваться этой новой ситуацией, чтобы помочь свободному Кавказу укрепиться. Произошло, однако ж, как раз обратное! Армия Энвера паши покинула Месопотамский фронт и наводнив Кавказ, аннексировала Армению, Азербайджан, всю мусульманскую Грузию и, наконец, была остановлена немцами у дверей христианской Грузии. Результатом этой агрессии был распад закавказской федерации и предоставление собственной участи трем народам, ее составляющим. Антанта вышла победительницей в Великой войне: Турции пришлось покинуть Кавказ; созданы были три независимые

государства: Азербайджан, Грузия и Армения, все три признанные Европой “де факто”, а Грузия — “де юре”; конструктивная работа началась немедленно, в то время, как в России кипела гражданская война.

Режим Энвер паши был заменен в Турции европейским и национальным режимом Кемаль паши. Но кавказская политика не претерпела никаких изменений. В 1920 г., под давлением эмиссаров Анкары, собрат ее по религии — Азербайджан открыл свои двери большевицким армиям Москвы; национальное правительство уступило без сопротивления власть московским эмиссарам, и Россия вновь таким образом стала непосредственным соседом Персии и Турции. Падение Азербайджана решило также участь и других республик. В феврале 1921 года через Азербайджан московские армии ворвались в Грузию. В эту трагическую минуту, в то время когда вокруг Тифлиса кипела битва против войск неприятеля, 23 февраля, неожиданно, грузинское правительство получило ультиматум Анкары, требовавшей немедленную эвакуацию дистриктов Ардагана и Артвина и не дожидаясь ответа, турецкие армии вошли в эти области. Грузия, стиснутая между двумя огнями, считая что несмотря ни на что главный фронт был все же фронт Москвы, протестовала в Турции и дала приказ своим пограничным войскам, к стати количественно весьма незначительным, отойти во внутрь страны. Поощренная этим, Турция заняла Батумскую область и, в то время как грузинская армия эвакуировала столицу и отходила в западную Грузию, чтобы там сделать базу операций против русских, турки удари-

ли в спину, заняли Батум и объявили область эту аннексированной Турцией. Грузинской армии пришлось броситься на помощь этому городу, прогнать агрессора и сохранить эту область для грузинской нации.

Впоследствии стало известно, что во время русско-грузинской войны правительство Анкары находилось в секретных переговорах с московским правительством с целью получить право на присоединение грузинской территории. Результатом этих переговоров был договор, заключенный между Турцией и Россией 16 марта, другими словами в тот момент, когда национальное грузинское правительство еще руководило борьбой во имя защиты своей страны. Москва отдала Турции грузинские области Ардаган и Артвин. Таким образом, блок Москва-Анкара уничтожил независимость Грузии и принудил законное правительство эмигрировать за границу.

13 октября того же 1921 года Москва и Анкара заключили новый союз на турецкой территории в Карсе, куда включен был первый параграф Московского договора. Кроме того, Анкара признавала уничтожение независимости Закавказских республик, отказывалась от всех международных договоров, заключенных ими или их касающихся, и т. д. (см. ст. 1, 2, 4, 13).

Вот каким образом, в течении веков и по сегодняшний день, Турция боролась против солидарности и независимости кавказских народов, предпочитая соседствовать непосредственно с Россией.

Хотя Персия не оказала никакой помощи Кавказу, она по крайней мере не

имеет никаких территориальных видов на эту страну; она остается в своих границах и отказывается от политики анти-кавказской.

У Кавказа, таким образом, только два претендента: с одной стороны — Россия, с другой — кавказские народы. Что касается Турции, то пойдет ли она

по стопам кавказской политики Персии, довольствуясь своими собственными границами или будет продолжать политику, завещанную султанами? Вот вопрос, окончательное разрешение которого может разрешить и кавказскую проблему: будет ли он свободен и независим или останется под ярмом России?

ЭНРИКО ИНСАБАТО.

Турко-татарское пробуждение

QUI PRODEST?*)

МЫ ПЕЧАТАЕМ "меморандум" грузинского правительства находящегося в эмиграции во Франции, который был послан в правительственные учреждения так называемых авторитарных государств.

Подтверждается, что этот меморандум составлен грузинскими меньшевиками, глава которых Ной Жордания входит во второй интернационал.

Что заставляет демо-социал-масонов настраивать "фашистские" правительства против Турции, коварно их убеждая, что политика Кемалистской республики имеет в виду "сохранить территориальное соседство с Россией, борясь против солидарности и независимости кавказских народов, и что, как вывод отсюда, для

*) Статья эта, появившаяся в том же итальянском журнале, является кратким, но прекрасным ответом на пресловутый меморандум меньшевиков. Ред.

свободы Кавказа следует прежде всего парализовать активность Турции? Другими словами, чтоб победить большевизм и защитить Грузию от несуществующей опасности (которая во всяком случае могла бы быть избегнута предварительным и честным соглашением с Турцией), Германия, Италия, Япония и Польша должны были бы, по мнению грузинских меньшевиков по-рвать всякие связи с Анкарой, что конечно означало бы заставить Турцию остаться связанной с большевизмом, или по меньшей мере сблизиться с так называемыми демократическими державами, которые вместе с тем открывают ей значительные кредиты.

Не говоря уже о том, что этот "меморандум" коварен по форме и лжив по содержанию, естественно возникает вопрос: *Qui prodest?*

Разумеется, если бы меньшевики

народного фронта могли помешать Турции присоединиться к директивам, создавшим итало-германо-японское соглашение, Россия — да и не она только — была бы вполне удовлетворена. Это ли имеют в виду названные меньшевики и их покровители?

Но вернемся к “меморандуму” и рассмотрим некоторые пункты, чтобы осветить причины, его вызвавшие. Там говорится, что войска Энвера-паши разрушили закавказскую федерацию. Очевидно авторы забыли, что Брест-Литовский договор предоставлял Турции грузинские территории, включая самый Батум. Конечно, грузины протестовали, но верно и то, что турки действовали согласно этому договору.

О чем молчит “меморандум” — это что Турция была благожелательна Закавказской федерации.

Чтобы создать непоправимые трудности между Турцией и Грузией, разве не министр иностранных дел Гегечкори требовал в тифлисском парламенте устранения мусульманских элементов из правительства и парламента, как сомнительных в отношении социализма?

Но допустим даже, что армия Энвера действительно содействовала развалу Закавказской федерации, какое это имеет отношение к Кемалистской Турции? Разве Кемаль, как только завладел властью, не предлагал грузинским меньшевикам союза и сотрудничества против русской опасности? И разве не меньшевик Ной Рамишвили, министр внутренних дел и военный, ответил официально от имени своего правительства, что грузинский народ не хочет иметь ничего общего с мятежным генералом и его бандами?

И почему в 1920 г., когда после победы грузин над русскими в Гандже вспыхнуло восстание против большевиков и азербейджанцы ожидали помощи, Ной Жордания приказал грузинским войскам оставаться у своих границ, нарушая тем условия договора с Азербейджаном?

Как раз теперь в грузинском издании парижского журнала “Кавказ” печатаются очень интересные статьи Г. Квинитадзе, бывшего главнокомандующего грузинской армией*).

Генераль Квинитадзе, человек высокой морали, которого дружбу мы очень ценим, предал гласности весьма важные факты, характеризующие это пресловутое меньшевицкое правительство, которое 17 марта 1921 г. бежало на итальянский пароход, а на следующий день совсем покинуло Грузию, отказываясь тем самым от права ее представлять. Ведь два-три дня раньше это правительство решило прекратить борьбу с большевиками и по этому поводу один иностранный дипломат, занимающий высокий пост, утверждает, что отъезду меньшевиков содействовал сам Ленин, который, с другой стороны, предлагал Ною Жордания спокойно оставаться в Грузии.

Но будем говорить по порядку. 16 марта 1921 г. правительство послало Григ. Лордкипанидзе и генерала Гедеваншвили в Самтредиа для переговоров с большевиками.

*) Статья ген. Квинитадзе, из которой в дальнейшем изложении приводятся факты и цитаты, появилась также и в русском издании (см. “Кавказ” №1-49)

17 марта грузинские большевики по приказу правительства были выпущены из батумских тюрем и образовали "Восстанный Совет", а вечером правительство Грузии уже село на пароход, днем раньше чем предполагалось. Перед тем председатель правительства Жордания дал главнокомандующему ген. Квинитадзе ошеломляющий приказ не начинать никаких действий против большевиков и сверх того демобилизовать армию. Почему "Грузинское правительство" не публикует текста Самтредского договора?

Приведем еще один факт. В "меморандуме" говорится, что 23 февраля 1921 года грузинское правительство получило ультиматум Анкары немедленно очистить округа Артвинский и Ардаганский. Вот что писал по этому поводу генерал Квинитадзе в грузинском издании "Кавказа" (№8 январь 1938 г.): "23 февраля 1921 г. у нас не было никакого войска в этом районе, так что грузинское правительство не могло оттуда ничего убраться.. Мы требуем, чтобы правительство опубликовало этот ультиматум... Верно то, что г. Гварамадзе, тогда

губернатор Ардаганского округа получил приказ сдать его туркам, а вовсе не эвакуировать... Я, тогдашний главнокомандующий только теперь в Париже в 1938 г. узнаю об этом ультиматуме впервые из нынешней декларации правительства. Наоборот, во время боев под Тифлисом Жордания ежедневно убеждал меня, что не сегодня-завтра турки выступят против большевиков... Странно, что после такого враждебного акта, как этот ультиматум, грузинское правительство разрешило вступить в Батум и свободно передвигаться турецким войскам до последнего момента, признавая вместе с тем около себя присутствие турецкого посла".

То, что нашему славному другу Квинитадзе кажется странным, теперь для нас получает совершенно ясный смысл. Цель этих господ помешать какому бы то ни было соглашению Турции с антибольшевицким фронтом. Вот почему мы выедем полное основание спросить по поводу этого "меморандума", представленного также фашистскому правительству: *Qui prodest?* Энрико Инсабато.

АЗАД-БЕИ.

Прискорбный документ

ПРИЗНАТЬСЯ, если бы не две сопроводительные статьи нашего друга, доктора Инсабато, я бы лично не поверил, что "меморандум", представленный тоталитарным государствам, и текст которого помещен в номере от 20 февра-

ля в Корриере Дипломатико е консуларе и приведен выше на этих страницах, — подписан членами бывшего грузинского правительства или даже редактирован ими — настолько самый этот документ политически неграмотен, и настолько подача такового меморандума,

направленного **исключительно** против Турции, не только не соответствует требованию момента, но и находится в явном противоречии с тем, что французы называют "бон санс".

Право, сомнение все еще продолжает у меня оставаться. На самом деле, какую **практическую** пользу для интересов кавказских народов, могли бы ожидать подачей этого документа его авторы, кроме разве того, чтобы **доказать** всю трагическую **сложность** кавказской проблемы и тем **отдалить** шансы ее разрешения — в момент когда как будто бы замечаются кое какие проблески в этом направлении? Иначе трудно себе объяснить смысл этого жеста. Авторы этого своеобразного документа, подавая его **великим державам**, с их штатом специалистов по вопросам внешней политики, не дурно осведомленных, как в **этнически-религиозных** особенностях кавказских народов, так и в их природных настроениях, должны были бы понимать, что серьезные люди, интересующиеся нашим вопросом, прежде чем принять, как аксиому, изложенную тезу — подписанную хотя бы и очень почтенными особами — сочтут своим долгом проверить ее недавними историческими данными их собственных архивов... И тогда получится некоторый "**конфуз**" для авторов, а в виду их "официального" положения, конфуз этот может распространиться и на репутацию самих народов, от имени которых они решаются выступать...

Так и вышло. Стоит прочесть оценку "меморандума", данную итальянскими кругами. Едва ли в других кругах, куда представлен этот документ, оценка может быть более лестная...

Пока не будем говорить о том, насколько содержание этого документа противоречит истине, тенденциозно и недобросовестно. Отложим это на другой раз: нам есть что сказать по этому поводу. Остановимся пока на некоторых вопросах, касающихся самой подачи этого документа. Сомнение может возникнуть в аутентичности подписей под ним еще и потому, что, как лейт-мотив, проводятся там соображения религиозного христианского характера — желание противопоставить христианские государства мусульманской Турции.

Возникает, естественно, вопрос: какое, собственно говоря, дело до религии у последователей материалистической доктрины, отстраняющей всякие даже намеки на духовные моменты в жизни людей? Какое дело марксизму до религии?

Не является ли эта мотивировка более "логичной" в устах тех новоявленных политиков из пресловутого "Униона", которые, повинуясь настроению того или другого эмигранта, одним взмахом пера отодвинули мировую историю на 800-900 лет назад и решили, что Кавказское освобождение от русско-большевицкого ига может быть реализовано лишь путем новых крестовых походов... против Турции и полного пренебрежения к расово-религиозным чувствам населяющих самый Кавказ многомиллионных мусульман?

Ведь, в конце концов, нельзя же допустить, чтобы такие искушенные в политике лица, как гг. Жордания, Чхенкели и др. не понимали бы всего... скажем, "неудобства" такого рода предложений в момент, когда религиозные соображения в самой Европе — да и в

Азии — сданы в архив, и при распределении сил великие христианские державы охотно заключают союзы с нехристианскими народами, против своих христианских антагонистов. Разбирая же более детально естественные предрасположения заинтересованных держав, которым представлен меморандум, школьник 4-го класса и тот мог бы легко заметить, что как раз "предложение" направлено не по адресу. Япония, как держава нехристианская, питая одинаковое уважение, как к христианству, так и к исламу, не может, в этом вопросе брать какое бы то ни было "парти-при". Интересы Японии во многом совпадают с интересами всего мусульманского мира, а в частности к Турции она всегда относилась с особо подчеркнутой симпатией, — это давняя традиция ее политики. Италия, только что имевшая случай испытать на своем голодающем населении результаты санкций, предложенных своими христианскими братьями из Женевского ареопага, и в то же время ощущать весьма реальные результаты роли, которую сыграли ее мусульманские подданные в предпринятой борьбе, только что положила, в благодарность, начало своей промусульманской политике, которая повелевает ей, не задевать религиозных, расовых или национальных чувств мусульманских народов, а, наоборот, жить в дружбе и в добром согласии с мусульманским миром, в котором та же Турция, как никак, является одним из первейших факторов.

Польша, которая не забыла — да и не может забыть — рыцарского отношения турок к факту ее разделов и геройской защиты ее эмигрантов, от посягательств русского правительства, чув-

ствовала и продолжает чувствовать к Турции самые горячие симпатии, соответствующие таковым же и со стороны турок. К этому сентиментальному моменту нетрудно прибавить и соображения другого порядка, вытекающие из факта ближайшего соседства обоих государств с Россией... И надо полагать, в этом отношении, политические взгляды польских кругов "несколько" разнятся от таковых у авторов "меморандума", которые имеют в виду, главным образом, ослабление Турции в стратегическом смысле...

Что касается Германии, бывшей союзницы Турции в мировой войне — неужели авторы "меморандума" находятся в "благом неведении" относительно традиционной туркофильской политики этой страны и задач, которые стоят перед ее вождями, а также и относительно тех новых настроений, которые там имеют место? Неужели они не читали "Мифа XX-го столетия" и других произведений, которые появляются почти ежедневно, внося в религиозно-идеологическую область ряд идей и взглядов, насколько не соответствующих вождениям сторонников новых крестовых походов?

Наконец, неужели весьма назидательные уроки мировой войны относительно тщетности упования на религиозные моменты оставили все еще у этих политиков место иллюзиям?

Сомнение берет меня также по поводу некоторой "страстности" антитурецких положений, содержащихся в меморандуме: на самом ли деле члены бывшего грузинского правительства являются такими заядлыми "туркоедами", как это можно усматривать из содержа-

ния меморандума? Не было ли у них иногда других настроений, совершенно противоположных тем, которые демонстрируются в этом "политическом" документе? На самом ли деле они так "принципиальны" в своих антитурецких чувствах? Не было ли у них попыток — и не однократных — "сговориться" с турками, как здесь в Париже, так и там, в Истанбуле и Анкаре?

Если об этих демаршах пока еще преждевременно говорить, прочтем, если хотите, оценку, данную членами бывшего грузинского правительства турко-кавказским взаимоотношениям.

Перед нами — другой меморандум, подписанный официальными представителями кавказских народов в Париже — в том числе и грузинами, представленный когда-то — сравнительно не так еще давно — некоей державе. Вот что читаем там, написанное черным по белому:

"...Но для освобождения Кавказа и, главное для удержания (поддержания?) во всей стране прочного государственного правопорядка, решающую роль играют два фактора: 1) тесное единение народов Кавказа и 2) вечная дружба единого Кавказа с новой Турцией"...

"...Занимая географически срединное положение между Россией и Турцией, Кавказ должен опереться на одну из них для достижения и утверждения своего свободного существования, как суверенное государство. На кого Кавказ может опереться — это вытекает из самого фактического положения вещей и из присущих обоим соседям тенденций по отношению к Кавказу: Россия уже держит Кавказ в своих цепких руках и не откажется от него и после его освобождения; Турция смотрит на Кавказ,

как на естественный барьер, ограждающий ее границы от натиска русских полков, и потому она желала бы видеть Кавказ свободным и объединенным государством"...

Предложим читателю сравнить внимательно эту установку с таковой "меморандума", которая старается настойчиво доказать, кому следует, что Турция ищет физического соседства с Россией... очевидно, для своей же собственной гибели.

А вот пассаж, который надлежит сравнить с нарочитым подчеркиванием "насильственной мусульманизации юго-западной части Грузии" (при иных обстоятельствах этот фактор использовался — и весьма правильно — как тред-унион между двумя народами): "Но есть и другие моменты, которые, вместе с первым, уже упомянутым, делают этот выбор как бы предрешенным: а) народы Кавказа, прежде всего, не славяне, и по своим традициям и культуре глубоко отличаются от русских. Они не питают иллюзии, что в России, после большевизма, установится демократический строй. Но, если даже допустить такое чудо, то и тогда русский народ останется верным своей руссификаторской политике по отношению к не русским народам и своим перевесом доведет последних до национальной деградации; б) с турецким народом сблизжают народы Кавказа расовые и религиозные связи, а также общая опасность со стороны Севера. С другой стороны, экономическое развитие свободного Кавказа немислимо без регулярных коммерческих сношений с Европой и Америкой, а этот путь географически лежит через дружественную Турцию"...

После сожаления за некоторые "не-

доразумения в прошлом", меморандум продолжает:

"Народы Кавказа сознают, что для разрешения их основной задачи, преобладающей над всеми остальными — освобождения страны, — им нужны сочувствие и помощь братского турецкого народа"...

Как же согласовать эти вчерашние утверждения с сегодняшней "установкой", когда авторы нового "меморандума" приглашают иностранные державы идти походом на эту самую страну, к сочувствию и помощи которой они вчера еще взывали для освобождения родины от русской оккупации?

Тут есть очевидная логическая "неувязка", и вот почему — у меня даже является сомнение в аутентичности подписей под препроводительным письмом нового документа. К сожалению, факт остается фактом: кто то подал выше-названным государствам и с какой то целью этот "меморандум", содержание

которого находится в явном противоречии как с чувствами подавляющего большинства кавказцев, так и с нынешними жизненными интересами их всех вместе взятых.

Документ этот, повторяем, опубликован по французски в итальянском журнале, и такое компетентное — и официальное — лицо, как доктор Инсабато, указывает на источник, откуда он происходит.

Неужели он ошибается?

Мы бы искренно желали, чтобы это было так.

Но если ошибки нет, документ этот, к самому содержанию которого мы вернемся в другой раз, являясь весьма прискорбной для обще-кавказского интереса инициативой, затмевает собой все рекорды политических гафов и психологических ошибок, невольным свидетелем которых является кавказская эмиграция за последние 10 лет.

Азад бей.

ТАМБИЙ ЕЛЕКХОТИ.

Русско-японское соперничество

(ПРОДОЛЖЕНИЕ*)

ЗАХВАТ Россией Ляодунского полуострова (Квантунской области) и Цинтау Германией серьезно встревожил великие колониальные империи, главным образом, Англию и Францию, которые в создании военно-морской базы в Порт-Артуре увидели угрозу своим

владениям в Тихом и Индийском океанах. Англия, как это было упомянуто в предыдущей статье, немедленно же ответила захватом китайского порта Вей-Ха-Вей, а Франция сделала захват в Южном Китае, ближе к своим колониальным владениям, Италия, которая в этой части света не имела ни каких владений, предъявила требование к Китаю об уступ-

*) См. "Кавказ" № 2/50.

ке ей тоже какой либо части территории. События эти пробудили, наконец, национальное чувство китайцев, по крайней мере в крупнейших китайских центрах, и в 1898 г. началось восстание против европейцев, принявшее весьма широкие размеры в 1900 г. и известное под именем Боксерского восстания. Граф Витте определенно утверждает (стр. 158), что Боксерское восстание явилось последствием русской политики в Китае. Таким образом, первая вспышка против белой расы была вызвана в Китае усилиями петербургского правительства. Это обстоятельство не бесполезно нам запомнить, чтобы впоследствии сделать безпристрастные выводы о том, кто угрожает белой расе на Дальнем Востоке и кто провоцирует вражду к европейцам на желтом материке.

Хотя восстание не перекинулось в Манджурию, занятую Россией, тем не менее последняя приняла в подавлении его самое активное участие, при чем знаменитый Ливевич, командовавший экспедиционным отрядом, устремился первым, чтобы вступить в Пекин, где, по свидетельству Витте, они ограбили до тла богдыханский дворец и выкрали договор России с Китаем, по которому Россия обязывалась защищать неприкосновенность Китая. Ничем не оправдываемое поведение России объяснялось, по откровениям Витте, тем, что правительство руководствовалось соображениями, будто восстание на руку русским планам для окончательного захвата Манджурии (стр. 163) и эта политика захвата, наконец, завершилась объявлением этой китайской территории наместничеством, иначе говоря в новое нарушение арендного договора на 36

лет, о котором шла речь в предыдущей статье. Вся эта область с Порт-Артуром таким образом была включена в состав Российской Империи. Замечательнее всего то, что после февральской революции так называемая российская революционная демократия, в лице Временного Правительства, санкционировала эти ничем не оправдываемые хищнические захваты, определив места в Учредительном Собрании для представителей от захваченных территорий. Это обстоятельство тоже не бесполезно запомнить, чтобы знать, в чем можно надеяться и в чем нельзя положиться на "идеалистическую" демократию России.

30 июля 1903 г. последовало назначение первого наместника Дальнего Востока. Это был новый вызов Японии. Тем не менее последняя не теряла спокойствия и по свидетельству графа Витте продолжала делать попытки к сговору с Россией. В этих целях из Токио был делегирован в Петербург один из самых замечательных государственных людей Японии Ито, встреченный в Петербурге весьма холодно. Ито, не добившись ничего, покинул русскую столицу, а переговоры его продолжал японский посол Курино. Все предложения Японии к улажению спорных вопросов, Петербург оставил без ответа. Японское долготерпение истощилось и 26 января 1904 г. японцы потопили русские суда. Война началась. Она вызвала чувство радости в правительственных кругах Петербурга. Министр Плеве весьма красноречиво высказал эти чувства: "Чтобы удержать надвигающуюся революцию, нам нужна маленькая победоносная война"...

Результаты известны.

Отправлявшемуся на мирные переговоры с Японией графу Витте члены правительства высказывали пожелания, чтобы он отстаивал "исконные русские земли", морской министр адмирал Бирилев ему сказал:

"Япония является хозяином вод Дальнего Востока, но не возможно соглашаться ни на какие унижительные условия". Что касается уступок территориальных, то по его мнению возможно уступить часть того, что **мы сами в благоприятные времена награбили** (стр. 357-358).

Таким образом устами Бирилева Петербург признался в грабительской своей политике на Дальнем Востоке. Но только ли на Дальнем Востоке? Вся история русской экспансии, как на Востоке, так и на Юге и на Западе и на Севере проникнута все тем же духом хищничества и грабежа.

Портсмутский мир положил предел русским аппетитам на Дальнем Востоке.

**
*

Империалистическая политика там вновь воскресает с приходом к власти большевиков. Новые методы, новая фразеология, — красная Москва разрабатывает планы, превосходящие по своим замыслам всякое воображение нормального человека. Общеизвестно, что Ленин придавал совершенно исключительное значение вовлечению народов Востока в водоворот русской революции. Еще на Лондонском конгрессе II интернационала Ленин доказывал, что пробуждающийся национализм угнетенных народов является новым и важным социальным фактором, и что будущая

революция рабочего класса не может рассчитывать на успех без союза с угнетенными народами. Этой точкой зрения определялась впоследствии вся его политика: во время гражданской войны в самой России, а так же в сношениях с другими странами Востока. По мысли Ленина осуществление мировой революции не возможно без активного участия народов Востока под эгидой Москвы. Эти народы он исчислял как армию революции против мирового капитала в круглых цифрах: Китай — 400 миллионов, почти столько же Индия, 60 миллионов арабов, 40 миллионов иранской расы. Все эти многомиллионные народы и расы имеют представителей и в составе России, как Кавказ, Туркестан, Крым, Волга и, наконец, вся Сибирь, населенная представителями желтой расы. Ленин серьезно мечтал, что при посреднической роли российских граждан восточного происхождения с соответствующим законодательством по национальному вопросу при помощи новой революционной дипломатии удастся поднять Восток и включить его в сферу новой московской политики, — при этих условиях он верил в осуществление мировой революции под эгидой Москвы.

Предпосылок для таких надежд было достаточно. Как в самой России, так и вообще народы Востока изнывали под тяжестью не равных договоров. В соответствии с этой политической установкой декреты и лозунги полились из Москвы, как из рога изобилия: о равенстве народов, о мире без аннексий и контрибуций, о самоопределении вплоть до отделения. В порядке же этой политики Москва не пожалела громадных ма-

териальных жертв, чтобы добиться советско-турецкой дружбы. Турция должна была послужить показательным полем для большевицких симпатий и дружбы к народам Востока.

Имея в виду, что главнейшей целью захвата власти в России является осуществление мировой революции, Москва с первых же дней занялась Китаем и Монголией. Китай — независимое государство, ни кто не может воспретить установить с ним открытые дипломатические сношения. Другое дело Индия и др. колонии. Эти последние были предоставлены обработке по линии Коминтерна.

Читатели, конечно, помнят декреты Москвы об аннулировании всех неравных договоров. Особая декларация об этом была адресована китайскому правительству с выражением готовности аннулировать все договоры, заключенные под давлением и угрозами с царским правительством, лишь бы Китай признал Москву и вступил с ней в нормальные отношения. Восточно-Китайская дорога объявлялась предприятием дворян, помещиков и генералов, но уже в 1924 г., когда возникли о дороге переговоры между Советами и Китаем, то дорога в устах большевиков превратилась в предприятие, созданное на средства русских рабочих и крестьян.

Так или иначе Китай признал московское правительство и этим самым открыл свои двери для агентов Коминтерна. Началась в соответствии с политической установкой Ленина обработка Китая. Золото, получавшееся в обмен на нашу нефть, украинский хлеб и туркестанский хлопок, текло широкой волной в Китай. Объятый междуусобицей,

Китай явился благодарной почвой для большевицкой агитации. Всем памятна деятельность Бородина. Москве удалось советизировать Южный Китай и создать весьма многочисленную красную армию. В междуусобной войне между Нанкингом и Югом (Кантон) Москва открыто помогала деньгами и вооружением китайской (кантонской) красной армии, а советские инструкторы и политики сделали ее настолько значительной, что Чан Кай Шеку так и не удалось окончательно справиться с нею. По существу к моменту японо-китайского конфликта было по меньшей мере два самостоятельных Китая: Нанкин и советский Китай со столицей Кантоном, не считая других провинций, не признающих ни Нанкина, ни Кантона.

**
*

Из огромного материала о Китае, тщательно рассмотренного нами, уславливается, что 400-миллионное население Китая составляется из ряда разных народов желтой расы. Основных народов, из которых каждый занимает огромную территорию с естественными географическими границами, мы находим в Китае пять. Это — китайцы, Монголы, манджуры, тюрки, и тибетцы, в свою очередь разбивающиеся на менее значительные народности, которых насчитывается до 20. Но и эти 20 народностей также разбиваются на ряд более мелких племен, говорящих на разных друг другу непонятных языках. Таких самостоятельных языков в Китае насчитывается свыше ста. На государственном языке, так сказать, языке мандаринов, говорит только элита, составляющая

менее, чем 1 проц. всего населения. 99 проц. четырехсотмиллионного Китая считаются не грамотными в точном смысле этого слова. Необходимо еще привлечь внимание то обстоятельство, что при отсутствии достаточных средств передвижения огромные области, разделенные между собой тысячами километров, никакой взаимной связи не имеют. Не трудно понять, что при таком положении китайские провинции представляют весьма благодарную почву для развития центробежных сил, для всякого рода самоопределений, включительно до отделения. Ясно, что для агитации большевиков обстановка здесь весьма благоприятна, а если к этому прибавить бедность и даже нищенство огромных масс, то станет понятным огромный успех большевиков, не жалеющих золота в Китае. Успехи Чан Кай Шека так же объясняются в значительной степени влиянием того же золота, широко кредитуемого ему Америкой, тем не менее нужно признать исключительную трудность объединения всего Китая под единой властью. При таком положении вещей физиономия нанкинского правительства приобретает несколько иной вид. В стране, где 99 проц. населения неграмотны, где нет живой и постоянной связи между различными частями страны за отсутствием достаточно развитой сети жел. дорог, не может быть речи о каком либо "республиканском" правительстве, каковым в европейской печати иногда представляют нанкинское правительство. Это последнее опирается на партию Гоминдан, деятельностью которой охвачена только часть огромного Китайского континента. Цен. Ком. Гоминдана играет роль парламента. Ни-

каких выборов, никакого обращения к "суверенному" народу ни в Нанкине, ни в Кантоне, ни в какой иной области Китая не существует. С крушением китайской монархии, державшейся повидимому по традиции, огромные китайские провинции оказались предоставленными самим себе.

Необходимость ощущения власти выдвинула на поверхность китайской жизни наиболее выдающихся и энергичных генералов. Эти последние вовсе не сплошь бандиты, как их именуют в европейской печати. Наоборот, это часто вожди, наилучшие представители провинций, которые стремились организовать каждый свою провинцию, независимо от Нанкина. являющегося по существу центром тоже лишь одной части Китая. Нанкину повезло в том, что он нашел иностранный рынок и добился признания державами. Понятно, что провинциальные власти, каждый по своему, ищут союзников, как внутри Китая, так и во вне. Если Чан Кай Шек опирается на Америку, Кантон на Москву, то еще больше имеется китайских правителей, искренно ориентирующихся на Японию. Таким образом, мы находим в Китае три силы, борющиеся между собой: Нанкин (Америка), Кантон (Москва) и Япония.

Не взирая на огромную помощь Чан Кай Шеку Америки, как деньгами, так и материальным оборудованием, конечный успех его (то есть объединение всего Китая) представляется безнадежным. Этому препятствуют условия чисто психологического порядка с одной стороны, а с другой — Москва. Как бы велика не была поддержка Америки, она не выходит за пределы материальной по-

мощи. Другое дело — Москва. Последняя своим активным вмешательством, ставя советизацию Китая одним из краеугольных вопросов собственного режима, находится там всеми возможными силами — материальными и моральными, и не удивительно, что Москве удалось советизировать Южный Китай, объединив под советской властью территорию с населением свыше 100 миллионов. То, что сегодня Москва помогает Чан Кай Шеку, дела не меняет. Это на время борьбы против Японии. Таким образом, как бы велики не были жертвы Америки, она не является решающим фактором. Мы только что говорили о препятствиях на путях Чан Кай Шека психологического порядка. Дело в том, что весь состав нанкинского правительства состоит из тесного круга близких родственников между собой, не исключая даже жены Чан Кай Шека, занимающей пост министра авиации. Весь состав правительства состоит из фамилии Сунгов, племянников, дядей, зятей и иных свойственников. В Китае, как и на всем Востоке, к такого рода сообществам родственников на общественных и государственных ролях всегда относились с большим осуждением, и не мало китайских провинций, не признающих Нанкина из-за нежелания служить новой китайской династии Сунгов, как иронически называют китайцы нанкинское правительство.

Изложенные соображения позволяют верить, что если бы даже Япония не выступила, Чан Кай Шеку все же не удалось бы объединить Китай, — мало этого — в борьбе с Кантоном, т. е. с Москвой, конечно, Москва одержала бы победу рано или поздно.

При таком положении китайской действительности не трудно видеть, на какую почву упало московское семя. Москва энергично работала в надежде, что советизация Китая произойдет раньше, чем спохватится Япония. Для таких надежд были все данные. Создание Южного Советского Китая со 100-миллионным населением — это уже чтонибудь да значит, а советизировав Китай, Москва была бы в состоянии продиктовать Японии любые условия, а затем двинуться в Европу для осуществления “великих идеалов октябрьской революции”.

Чтобы разобраться в китайских делах, не требуется особых усилий, нужно только нам оглянуться назад на историю наших собственных народов, и народов Европы. Прежде всего пример нашего собственного Кавказа, где всего то 12 миллионов жителей, и не взирая на наше славное прошлое, на наш сравнительно высокий культурный уровень, мы в нужный момент не сумели столкнуться, объединиться и спасти свою свободу. А история великих западных народов? И Италия и Франция — сколько лет, сколько веков боролись, чтобы создать единые нации, каковыми мы видим их сегодня, а Германия этой борьбы не закончила еще и в наши дни.

Что же можно сказать о Китае, территория которого в 70 раз больше Германии, где более чем 400 миллионов населения, говорящего более, чем на ста разных языках, страна бездорожная, а стало быть без всякой живой связи между отдельными частями. Да, заключение вытекает из реальной действительности. Объединение Китая собственными силами еще очень и очень далеко или

почти невозможно. И если допустить в Китае наличие только двух сил: Чая Кай Шэна и Москвы, не подлежат сомнению, что Китай сделался бы легкой добычей московского империализма. Вот так же жгуча опасность под эгидой Москвы действительно была реальной для Европы. Опасность была тем значительнее, что никто ни в Европе, ни в Америке большевиками не считал препятствий. 20 лет Москва советизировала Китай, и весь мир молчал.

Япония очутилась перед дилеммой: либо безвольно наблюдать и ждать своей безрадостной участи, наблюдать из развития смертельной опасности не только для цивилизации, но и самому существованию империи Восходящего Солнца, или же встать на путь защиты своей независимости и своей цивилизации. Бросить жребий не приходилось. В этом заключается смысл японо-китай-

ского конфликта. Этим вероятно объясняется и тот факт, что Япония до сих пор официально не объявила войны Китаю.

Говоря о русско-японском соперничестве, необходимо внести некоторую ясность в эту терминологию. В то время, когда Москва преследует в Китае создание таких предпосылок, которые бы ей обеспечили гегемонию над всем миром, Япония лишь защищается, и, конечно, победа Японии означает спасение и христианской цивилизации, ибо только в этой борьбе может быть сокрушен русский большевизм, русский вандализм, а может быть вообще марксизм всех оттенков. Вместе с тем рухнет и возможность похода на Европу под эгидой Москвы 400 миллионов желтых.

Тамбей Елекоти.

(Продолжение следует).

3. АВАЛИШВИЛИ.

О „Носящем барсовую кожу“

ПРЕЖДЕ всего: почему „барсовая кожа“?

Герой романа Тарвел, неистовый Оулико грузинской литературы, влюблен как то в своей возлюбленной, Нестли-Дарселин. Ее собирались выдать замуж

за корезийского цезаревича, а она любила Тарвела, как и он ее, великой страстью. Неужели он на это согласится? Где же его клетны, где его обещания? Прекрасная дева была в отчаянии, но и в бешенстве.

*) В области литературных изысканий с 1927-38 посвящены воспоминаниям о знаменитом поэте Шота Руставели в виду условно признаваемого 750-летия

со дня его рождения. Имя Руставели и слова его замечательной поэмы далеко выходят за пределы Грузии и Кавказа.

Ред.

“Она лежала, подобная барсу на краях скалы с лицом, полным ярости”.

Грозным барсом или пантерой назвалась она тогда Тариему. Но впечатлительнее не было мимолетным. Мало думая, он объясняет другу своему Астидку:

Красивый барс — в этом образе в ее себе расцвел.

Вот почему любя мне его шкура, почему избрал ее своей одеждой...

Он носил, следовательно, шапку и платье из барсовой шкуры, совершенно как европейский рыцарь носил цветы своей дамы — дамы своего сердца.

В мыслях его память о далекой, потеранной любовнице прочно сплелась с образом прекрасного, но в гневного барса. Это было настоящим наваждением. Огнанды увидел он, как лев играл в джунглях с самкой барса. Тарием сразу уподобил их любовникам — “миджурам”, т. е. безумцам. Сначала верил просто тешились, потом игра переходил в драку. Особенно неистовствовал лев. Позже, Тарием говорил Астидку, объясняя ему, почему последний нашел его в безымянности между убитыми хищниками в пустыне:

Не понравилась мне львиная повадка; сказал я ему: “ты же в слезы уми: Зочем вредить возлюбленной, что во молодечество так поступать”.

Тарием убивает рассвирепевшего зверя. Потом, продолжает он свой рассказ: „захватил я руком барса,

Зависелось поцеловать из за той, что скитает меня горечим огнем.

Она рычала в терзала мене до краев своих востриг;

Не вытерпел, убил я ее, в безумстве моего сердца”.

Таково значение, “барсовой шкуры”.

И вот температура страстей, изображаемая в романе. Однако, необходимо отвориться. В этой связи с дилеммой страсти в пустыне Руставели описал крайнее, совершенно болезненное проявление “сужасшедшей” любви. Одержанный ею безумствует; но безумие это временное. Оно исцеляется, когда под влиянием конечного разума любовники, и за страдания свои они вознаграждены молнией счастья.

Великий страстотерпец Тарием и есть главный герой романа. Все остальные действующие лица и, прежде всего, безобразный изобретительный интеллект Астидки приваны, в сущности, служить счастью Тариема. Они в разных ролях и степенях способствуют решению — освобождению Нестан из плена, предвзято к ней с “человеком в барсовой шкуре”.

Тарием и его Нестан олицетворяют в романе страсть пылкую и неумиротворенную, любовь — страсть по терминологии Стендаля. Рядом с ними отношения той-рой влюбленной пары — Астидка и Тинатина, сравнительно сдержанные, более соответствуют “культурной любви” французских романистов 11-го и 12-го веков. Одна по существу тем разработана здесь в духе романтики, в духе новеллистичности, с большим разнообразием красок и оттенков. Впрочем различие это казалось трюком необходимости для всего развития фабулы романа. Главные прозвища Астидки ведь в том, чтобы притянуть к себе Тариему, размышлять прощанием без вестей Нестан, сделать возможным их счастье. Этот же

даче он отдается целиком, для нея превращается в странствующего рыцаря. И если сначала, отправляясь в погоню за гиниственным всадником в барсовой коже, тогда ему еще незнакомым, он действует по приказанию Тинатин, в качестве ее покорного вассала и "миджнур" — влюбленного, обязанного послушанием, то позже, узнав Тарнела и став его другом — побратимом, он этому новому своему чувству, новой службе временно приносит в жертву даже привязанность к Тинатине. Он прямо заявляет Тариелу:

В этот день я забыл ту, кто затмила
 мое сердце;

Бросаю ее службу, будь что будет.
 Лучше уже яхонт, хотя-б эмаль ты-
 сячекратно была эмалью,

При тебе быть до смерти, ничего
 больше я не желаю.

Своеобразная тема эта получает в романе и дальнейшее развитие. Ясно что любовь Автандила к Тинатин не может быть и не является такой — единой и всепоглощающей страстью, какой изображено чувство Тариела.

В общем, противоречие, в котором оказывается Автандил, одновременно друг "одетого в барсову кожу" и "миджнур" далекой теперь Тинатины, разработанное Руставели с тонкостью зрелого мастерства приемами эпического повествования, не лишено сходства с тем, что в форме лирического признания имеем в одном из сонетов Шекспира (№ 144).

Во всяком случае, в двух параллельных романах Тариела-Нестан и Автандила-Тинатин связались сложным узлом коренные и основные здесь темы любви

и дружбы. Рядом с ними, дружба простая, самоотверженная, чистая, ничем не осложненная воплощена в образ третьего побратима, Придона и заботливой Асма. Руставели дает в этих двух симметрических вариантах — мужском и женском — привлекательное выражение идее трогательной, безкорыстной дружбы — приязни.

Асма занимается пещерным хозяйством безумствующего Тариела — живут они троглодитами; она ему и сестра, и конфидентка, и конюх, и сиделка, и нянька. Придон — младший друг и соратник главных героев, третий в их священном союзе, как и Асма, обрисован у Руставели однотонно и схематически, однако жизненно и сочувственно.

С особой тщательностью представлена Руставели Патман или Фатьма, героиня приключения, выпавшего на долю Автандила при посещении им богатого приморского города Гуланшаро. Герой является к ней, переодетый купцом, и она сразу влюбляется в него. Он, с своей стороны, понимает, что эта бойкая, видевшая виды купчиха, помыкающая мужем, купеческим старостою Усеном, входящая во дворец местного властелина, всех знающая и всем знакомая, может помочь ему в достижении цели — узнать, куда исчезла Нестан-Дареджан. В своем расчете он не обманулся; Фатьма дала в его руки ключ к решению загадки.

Но и она добилась своего; за раскрытие ему тайны Автандил расплачивается, так сказать, падением своим. Богатырь, перед тем истребивший морских разбойников, и спасший от плена и грабежа багдадских купцов, во главе которых он прибывает в Гуланшаро; же-

лезный человек, только что, по просьбе Фатмы, "ликвидировавший" ее любовника Чашнагира*), знавшего (от нея же) тайну Нестан и, потому, теперь опасного, сразу превращается в чувствительного "миджура", связанного с далекой невестой обетом взаимной любви. На ложе гуланшарской Цирцеи в нем заговорит совесть. Его убивает мысль о Тинатии, он содрогается тайным трепетанием —

...Юноша нехотя обвивает (ея) шею
хрустальной рукой,
Сердцем он стремится в пустыню, к
диким зверям...

По старой традиции, дикие звери — самое подходящее общество для несчастного, но верного долгу "миджура". Не удивителен, поэтому, вопль Автаидила:

Он говорит: "глядите на меня вы,
миджуры!
(любовники), на меня, обладателя
розы,
Без нея на навозной куче уселся я,
соловей, уподобившись вороне!
Наоборот, Фатма блаженствует:
Когда ворона найдет себе розу, во-
ображает себя соловьем.

В этом эпизоде, описанном не без снисходительной иронии, Руставели дает, в сущности, карикатуру "куртуазной" любви. Насмешка над "вороной", попавшей в "соловьи" не мешает, однако, Руставели в общем, с симпатией отнестись к разбитной Патман, без которой солнце — Нестан так и не освободилась бы из плена.

Замечателен и самый язык Фатмы,

*) Собственно персидское слово, означающее (придворного) дегустатора.

ея скороговорка, под стать какойнибудь легкой комедии нравов, наконец, характеристика всей ее среды — среды богатой торговой знати заморского и приморского города. Впрочем, все блещет в этом удивительном романе-поэме. Все, чем красна или чем страшна была жизнь с ее пиршествами, забавами, охотами, войною, борьбой, кровопролитием, все отразилось здесь с неподражаемою полнотою выражения, все пронизано мыслью и "вселенским" чувством.

Пора, однако, заняться немного и самим творцом этого произведения. Здесь, впрочем, многого и не скажешь.

О жизни Руставели решительно ничего не известно. Однако, делались попытки написать его предположительную биографию. При этом старались видеть поэта в жизни непременно знатным, богатым, высокопоставленным. Не стесняясь полным отсутствием данных, позднейшие почитатели не только указывали поэту место его рождения, но отыскивали ему подходящих родственников, женили его, отправляли в дальние путешествия, определяли на службу, делали его спутником светила — Тамары, заставляли даже напоследок каяться в грехах и замаливать их в Иерусалиме.

Возможно, и, пожалуй, вероятнее, что особого положения в обществе этот искуснейший литератор вовсе и не занимал. Несомненно одно: ничем и никому его жизнь не запомнилась. Поэтому, он, кажется, навсегда избавлен от изучения, частичка за частичкой, под микроскопом, всех проявлений своего существования на земле: изучать нечего! И ему спокойнее, и биографам меньше работы.

Все его мысли и чувства сохранились в "Барсовой коже". В каждом четверостишии — а их от полутора до двух тысяч — звучит его голос. Разве этого мало?

Избавившись от назойливости биографов, Руставели не мог спастись от шумихи и некоторых комизмов юбилея, т. е. 750-летия со дня рождения. Правда, слух о нем очень явственно прошел по шестой части света с робкими отголосками в остальных пяти, и никогда о нем не знало столько людей, как теперь; умножилось, конечно, и число его читателей. За это надо благодарить устроителей юбилея. Но подумать, что на каждой внутрисоветской меже, а их не мало, его поджидал предатель — переводчик...

Руставели принадлежит эпохе, когда по соседству с Грузией в Арране и Ширване, т. е. в Азербайджане наших дней, жили и творили знаменитые поэты, как Низами Ганджийский или Хакани, одписец ширван-шахов. Однако, они были поэтами персидскими; почитывают их и теперь любители, от Дербента до Калькутты, от Самарканда до Константинополя, и ничего собственно азербайджанского они в себе не заключают. Руставели же, во многом связанный с Ираном и многим ему обязанный, сделался писателем национально-грузинским; не в том смысле и не потому, чтоб он проводил какие либо грузинские тенденции или служил в каком либо смысле "грузинскому делу", или "грузинскому государству" — ничего такого здесь нет; этим тогда очень успешно занимались другие, не поэты. Все, напротив, человеческое общечеловеческое, но в оформлении убивает мысль о Тинати, он со-

млении грузинском, почвенном, народном — любовь, дружба, побратимство, земной жребий людей, свершение судьбы под небесами, призывы жизни и величие смерти, все здесь передано с чисто артичной глубиной и свежестью восприятия, и многому найдено выражение окончательное, непреложное, единственное (потому и трудно переводимое!); по существу же простое и общедоступное.

Из многое, правда, наброшен легкий покров изысканнейшей словесной ткани, прихотливо разукрашенной шелками всех цветов и сочетаний. Покров этот кое в чем пострадал от времени, узоры его спутались, краски потускнели; не мало на нем и заплат, поставленных в течение столетий то искусною, то неумелою, но всегда усердною рукой. Кругозор Руставели таков, что толкователи его заглядывают в словари всех языков Ближнего Востока. Требуют пояснений географические представления автора, международная среда, им изображаемая. С другой стороны, в иных речениях, высказываниях, намеках поэта открываются давно забытые идеи, чаяния, предразсудки... Комментаторам есть над чем работать. Вообще, роман этот является первоклассным документом, важным свидетельством о культуре Грузии и тесно с нею связанного Кавказа.

А что сказать о вступлении к нему, о трех десятках строф, заключающих в себе, рядом с интереснейшей, при всей краткости, поэтикой, выпрение учение о любви, роднящее певца из Рустава с величайшими трубадурами и миннезингерами Запада?

Любовь есть прекрасный, трудно познаваемый предмет.

Любовь иное нечто, со сладострастьем несравнимое.

Она — одно, сладострастье — другое, обширный рубеж их разделяет. Не смешивайте-ж их! Слышно-ль вам сказанное мною?

Впрочем, если в своем "Вступлении" Руставели очень близок к провансальской доктрине о любви к прекрасной, обычно высокопоставленной и недоступной даме — ведь он и сам был трубадуром Тамары — в романе он, конечно, вплотную подходит к тому, существенно отличному от провансальского и собственно французскому варианту "куртуазной" любви, который разработан был, например, в романах Кретьена де Труа, жившего в том же 12-ом столетии. Оба они видят в браке естественное завершение земной любви и единственно возможную ее форму — в отличие от платонической любовной экзальтации провансальцев и от сходной с нею любви руставелевского "вступления".

Все это, однако, вопросы довольно специальные. Не они, конечно, привлекали к роману о "рыцаре в барсовой коже" читательские сердца до последнего времени. Да и поставлены они сравнительно недавно. Научно-исследовательский интерес к этому произведению есть, вообще, дело новое; возник он в конце прошлого века, особенно когда обращено было внимание на сомнительность иных четверостиший Руставели — сомнительность в смысле их принадлежности к первоначальному составу романа. С тех пор накопилась о нем целая литература.

Впрочем, один очень важный вопрос был посылно разрешен много раньше: вопрос о действительном составе рома-

на, о том, где он собственно, кончается. Выяснить это было необходимо, потому, что первоначальная редакция в течение веков, как видно, не только обросла вводными или паразитными четверостишиями (в какой мере, в точности не известно) но и обнаружила склонность к дальнейшему развитию. Герои романа Тариел, Автадил, Придон, Нестан-дареджан, Тинатин успели стать необходимой принадлежностью, как бы составной частью национальной жизни. Они сделались существами более реальными, чем большинство живущих или живших людей. Поэтому, не довольствуясь очевидным концом романа — счастливою его развязкой, соединением каждой из двух влюбленных пар, разделенных несчастиями — стали сочинять продолжение его. Решились, скрепя сердце, описать смерть героев (позже занялись даже судьбой их потомства!).

В начале XVIII века, с устройством в Тифлисе типографии, решено было напечатать и "Носящего барсовую кожу". Тогда то и вопрос о том, каков же действительный состав романа, и где он кончается, получил по необходимости разрешение, притом разрешение в общем удачное, и делающее честь редакторам этого первого печатного издания произведения Руставели (в 1712 г.), как делает само это издание честь Вахтангу VI, Тифлису, Грузии и всему Кавказу.

Блестки мысли, повсюду и щедро разбросанные, тонкости выражения, значительность многих попутно делаемых лапидарных замечаний, не говоря об остальном, привлекают к Руставели избалованных любителей. Между тем, в романе так много движения и действия,

так просто, так ясно разворачивается его интрига, так увлекательны приемы и краски рассказчика, что книга давно стала занимательным чтением для многих читателей попроще — они то и есть настоящие читатели.

Мало кого интересует связь некоторых формул Руставели с философией неоплатоников или отражение на его языке и стиле различных культурных течений средневековой жизни — хоть об этом теперь все больше говорят и пишут; зато многие тысячи следили в прошлом и способны, кажется еще и теперь следить с трепетом за несчастьями Тариела и за приключениями Автандила.

Роман Тинатины, дочери Ростевана Аравийского, и Автандила, молодого аравийского же витязя, и параллельный роман Тариела и Нестан-Дареджаны индийских сплетены в одну нить событий, ведущих к общей, счастливой развязке. В отношении Ростевана к Тинатине поэтом внесены некоторые черты, известные из истории царя Грузии Георгия III и его дочери Тамары. Как последнюю, Тинатин венчают на царство еще при жизни отца. В общем же намеков на грузинскую действительность в самой фабуле не имеется, но жизненными для Грузии были все вопросы культуры и политики, освещенные в романе ("куртуазная" любовь, дружба, царская власть, феодальная верность, борьба с вассалами — отступниками и пр.).

Завязка дальнейших перипетий дается сценой у воды после охоты, когда Ростеван с Автандилом встречают Тариела. Дикий, нелюдимый он удаляется на своем вороном коне и исчезает.

Все заинтригованы, Ростеван больше других. Загадка должна быть разреше-

на, иначе ему нет покоя. Разыскать исчезнувшего, как видение, рыцаря на черном коне, узнать, кто он — вот задача, возлагаемая, ради отца, Тинатиною на Автандила. Он обязан эту задачу, это приказание, выполнить, во первых, как ея вассал; во вторых, как ея "миджнур", т. е. влюбленный в нее, ей поклоняющийся.

Автандил, отныне странствующий паладин, пускается в путь. Ему, наконец, удастся разгадать тайну незнакомца, т. е. Тариела. Он узнает о несчастной любви его и Нестаны, о задуманном браке ея с хорезмским царевичем, об убийстве жениха Тариелом, об исчезновении Нестаны, отправленной в наказание куда-то на край света, о безнадежных скитаниях "человека в тигровой шкуре" с целью найти исчезнувшее "солнце", Нестан. Между двумя рыцарями завязывается самая горячая дружба, — побратимство.

Автандил возвращается на родину победителем: он выполнил возложенное на него поручение. Он получает за это немалую награду: любовь Тинатины. Но не меньшее, и даже большее, значение имеет для него привязанность к побратиму Тариелу. Он дал обещание вернуться к нему в пустыню, в пещеры, где тот жил в обществе доброй и верной Асमत, наперсницы Нестаны.

Тайком от Ростевана, Автандил пускается снова в опасное странствие, находит своего друга и, наконец, предпринимает путешествие, разные этапы которого приводят его к открытию места заключения Нестаны. Она оказалась взаперти в далеком замке, в полусказочной стране. Предпринимается поход для избавления ея из плена. Тариел, Ав-

тандил и третий “мушкетер” — если уместно это выражение, когда речь идет об эпохе, не ведавшей огнестрельного оружия — Придон, побратим обоих главных героев, освобождают из заключения Нестан, и тогда конец несчастьям, конец страданиям. “Тьма” уступает “свету”.

Освобождением пленницы начинается последняя часть романа: она приносит героям и героиням личное счастье, а народам и странам этих властителей и владетелей прочный союз и постоянный мир. Они, государи

Всех равно осыпали милостями, как-
бы снегом,
Сироты и вдовы были в достатке, а
нищие не побирались,
Преступники пребывали в страхе, яг-
нята (спокойно) сосали овец,
Внутри их владений вместе паслись
коза и волк.

Эта картина политической идиллии или утопии — некоторые образы ее навеяны пророком Исаией — есть заключительный аккорд романа.

Выше передана не фабула его, но всего лишь схема фабулы, чтобы показать как роман одной влюбленной пары (Автандил-Тинатин) сплетается с романом — основным — Тариела и Нестан-Дареджан.

Эпос этот есть в то же время поэма любви и дружбы. Любовь здесь особая. Она имеет свой стиль и свои правила. Это — “миджнуроба”, т. е. миджнурство, термин литературного происхождения, арабского, восходящий к имени безумца — Меджнуна (несчастный роман его с Ленлой вдохновил многих поэтов Востока). Имя это стало нарица-

тельным для обозначения “безумно влюбленного”. Грузинское “миджнурство”, нашедшее в лице Руставели своего певца, теоретика и кодификатора, является — об этом уже упоминалось выше — своеобразною параллелью “куртуазной” любви французских романов того же 12-го века, а отчасти и доктрины провансальских трубадуров.

Своеобразна и дружба, соединяющая героев Руставели — Тариела, Автандила, Придона — их побратимство, повелевавшее жертвовать всем для избранного друга. Насколько любовь — “миджнуроба”, была последним словом изысканного, не лишённого иной раз и вычурности, стиля людских взаимоотношений, в основе своей стихийных, настолько же побратимство — дружба должно быть отнесено к исконным, древним явлениям обычного права и социального строя не одной, конечно, Грузии и не одного Кавказа.

На этих то двух устоях — “куртуазной” любви и дружбы — побратимства построен весь роман, ими живут изображаемые здесь люди. Все развитие фабулы, развитие четкое, естественное и безостановочное, определяется игрою этих сил. Но Руставели не только занимательный, искуснейший рассказчик; он психолог и стилизатор, тонкий и глубокий изобразитель обширнейшей гаммы человеческих страстей и переживаний. Вместе с тем, все у него подчинено определенным приемам изображения, вытекающим из признаваемой им иерархии социальных и личных ценностей. Вассалы у него говорят языком вассалов; сюзерены держат речи, им свойственные. Одна честь неустрашимым рыцарям с их сверхчеловеческим положе-

нием в глазах поэта. Иная честь — богатству, нотаблям цветущего приморского города, ведущего заморскую торговлю, опять другая — служителям и работникам. Различия расценок и положений, вытекающие из этой иерархии, и отражающие политические идеи Руставели и его эпохи, весьма смягчаются патриархальностью и человеческою простотой отношений. Однако, стилизация всего романа сообразно установленной скале ценностей придает совершенно определенный чекан этому шедевру, т.е. произведению высшего мастерства.

Вдобавок же, взятое в целом, оно одухотворено не только верою в абсолютную ценность и святость глубочайших побуждений человеческой природы как любовь, дружба, самоотверженность, действительное вмешательство в естественный ход вещей ради недалеких целей, и не только величественной религиозно-

стью — вне всякой исповедности; но есть в нем и языческое преклонение перед величием неба с его светилами и, одновременно, томительное ощущение мировой тоски в виду тщетности и неизбежной конечности всего земного.

Главное все же в том, что этот рассказчик, сердцевед, и мыслитель есть поэт, умеющий находить чарующие, незаменимые и неподражаемые выражения для всего, чего только он коснется, будь то конский топот, гулко звучащий в горном ущельи, или томление души разлученных любовников, шум городского базара, галоп зверей, гонимых на охоте — или эманация всего существующего из Бога, как из умопостигаемого солнца. Куда же отнести такого писателя как не в первый, самый первый ряд поэтов средневековья?

3. Авалишвили.

МИХ. КЕДИЯ.

Вокруг „Кавказа“

(ОКОНЧАНИЕ)*.

ГРУЗИНСКИЕ сотрудники журнала „Кавказ“ — это заметные члены грузинского национального лагеря. Можно сказать больше.

Бывший главнокомандующий грузинской армией, ген. Квинитадзе, является

членом этой группы. Г. Жордания думает: в грузинской трагедии эти люди не повинны и они могут являться всюду. Не сегодня, так завтра, они постучатся в нужные двери. Нужно им преградить путь уже в передней, чтобы они не попали в кабинет.

*) См. „Кавказ“ № 2/50.

Но как все это сделать, когда лично

Жордания, как человек, все проигравший, не имеет туда доступа? Ради такого дела хороши были бы союзники из грузинских националистов. Хорошо было бы, если против "Кавказа" заговорят сами националисты.

И вот, хотя трудно было допустить, что г. Жордания найдет таких националистов, он их нашел.

В русском издании журнала "Кавказ" появилась статья г. Баммата — ответ сотруднику "Картлоси" — г. Марджанишвили. Оправдывая политическую линию журнала "Кавказ", г. Баммат представляет следующее положение:

— Кавказом владеют сегодня московские завоеватели и предметом политики кавказских народов должна быть борьба против Москвы. Чтобы сразить северного завоевателя, необходимо благожелательное отношение к нам южного нашего соседа — Турции и ее заинтересованность в существовании буферного кавказского государства. Во имя этого, — продолжает г. Баммат, — необходимо, чтобы кавказские народы бесспорно признали заключенный между большевиками и турками в Карсе договор 1921 года и отказались от вошедших в силу этого договора, в состав турецкого государства — территорий, в частности, важных для Грузии Ардаганского и Артвинского округов. Г. Баммат полагает, что если ради приобретения турецкой дружбы понадобится предоставить Турции выход к морю через Батум, то следует пойти и на эту уступку.

Все вышеизложенное является положениями бесспорными и логичными для той **официальной** политики, которой придерживаются сегодня все более или

менее известные кавказские группировки.

1918 г. с его чрезвычайно выгодными для нас условиями, Бог весть, когда вернется еще. Другого же выбора у грузинской и кавказской политики сегодня нет. Насколько мы сами разделяем подобную официальную кавказскую политику, писать об этом или говорить мы считаем для себя пока преждевременным и настоящая статья и не ставит перед собой такой цели. Нужно вернуться к "Кавказу".

Мы высказали выше мнение, что положения г. Баммата в вопросе об отношении с Турцией бесспорны и логичны. Спор мог бы вызвать лишь вопрос: насколько своевременна постановка подобных больших вопросов. Г. Баммат и группа "Кавказа" могли продолжать свою вполне логичную политику, отложив спор по территориальным вопросам на лучшие времена. Тем более, что Турция, заинтересованная сторона, молчит и никаких требований пока не выставляла.

Это было отмечено, между прочим, и самим "Кавказом" (см. статью г. З. Авалишвили). Турция не думает искать выхода для своих кавказских территорий через Батум и надлежащий порт строится в Хопи.

При таком положении вещей, недовольство грузинских национальных кругов нам было понятно. Мы сами принадлежим к тем лицам, которые свое недовольство по этому поводу грузинским сотрудникам группы "Кавказа" выразили лично. Но что последовало за этой справедливой реакцией — уже совершенно непонятно и тем более неприемлемо. А случилось следующее:

Для г. Жордания, сердитого и обезпкоенного появлением группы "Кавказа", позиция, принятая в отношении территориальных вопросов, явилась поводом создать на этой почве недовольство в национальных кругах, с целью потом все это использовать для себя.

Наш виртуозный "тактик", набросив на себя маску непримиримого националиста, послал во все грузинские группы своих натасканных эмиссаров и призвал их к объединению вокруг своей персоны против "предательской и продажной" группы "Кавказа".

Расчеты г. Жордания совсем простоваты. В целях иметь впоследствии право заявить, что против "Кавказа" выступает не только он, но и вся грузинская эмиграция, он захотел столкнуть эти группы с "Кавказом"! Если, мол, есть силы, которые интересуются проблемой Грузии и Кавказа, обратитесь ко мне, это я — глава объединенной эмиграции.

Чтобы достичь этой своей цели, он созвал собрание всех грузинских политических групп. Смысл этого собрания был вынести против группы "Кавказа" порицающую и поносящую резолюцию.

Ничего удивительного нет в том, что назначение этой резолюции было — поехать с ней куда следует. Что тут г. Жордания в своей коронной роли — сомневаться не приходится. Никак не вяжется с грузинским национализмом лишь то, что нашлись простаки националисты, которые попались на эту удочку.

Мы полагали, что самая неуместность выносить на митинг вопросы внешней политики заставила бы этих людей не идти на подобное собрание. Но 4 декабря оно все же состоялось. Не думаем,

чтобы результаты были утешительные для г. Жордания, если иметь в виду личности присутствовавших персон и активных участников. Как всегда, всю эту экзекуцию г. Жордания проделал через подставных лиц и в собрание сам не явился.

Пришли несколько лиц из национального лагеря, но активное участие в дебатах приняли люди только Жорданиевского фронта и его бывшие сотоварищи и выученики по партии — проповедующие сегодня в эмиграции "интегральный" национализм. Что заставило этих господ, Нозадзе и Манцкава стать снова плечом к плечу с Жордания — нам неизвестно. Но видно "обелить ворону" простым стиранием — дело безнадёжное.

В особенности же, если иметь в виду, что приглашенный председательствовать на этом собрании, патриарх националистов, почтенный профессор Евфимий Такайшвили заявил о недопустимости сомневаться в патриотизме грузинских сотрудников группы "Кавказа" и покинул собрание значительно раньше резолюции — можно с достоверностью сказать, что после собрания, г. Жордания принимал устроителей его с не очень веселой миной. Он имел все основания подумать, что тратиться на устройство такого собрания (вход был бесплатный!) и не стоило. Подобную резолюцию публика из жорданиевского фронта могла спокойно вынести и в "Оффисе". А если присутствие г.г. Нозадзе и Манцкава было так необходимо, то они сами могли явиться в "Оффис", на зов своего старого вождя и учителя.

Как бы то ни было, г. Жордания уже имеет эту резолюцию. Можно быть уве-

ренным, что он не применит использовать ее где это будет нужно. Но нет сомнения и в том, что он не достигнет своих целей.

Мы не собираемся защищать и оправдывать группу "Кавказа". Собравшиеся в "Кавказе" грузины не нуждаются в нашей защите. Цель статьи — лишний раз указать на все "очковтирательство" г. Жордания и агентов его партии, которым еще раз удалось проникнуть в национальную среду, учинить там разлад, снова завербовать, хотя бы временно, союзников — и все это против лучших представителей наших кругов.

Знают ли "плетущиеся в хвосте" за г. Жордания националисты, что они совершают, или это те люди, о которых позволено говорить: "не знают, что творят". Мы склонны думать второе.

Неужели 17 лет, которые нас отделяют от падения независимости Грузии, такой длинный срок, что несмотря на все невзгоды нашего эмигрантского бытия, мы забыли факты 1921 г.? Подобная забывчивость простительна обывателям, но не лицам активно прикосновенным к политике.

Будущий историк быть может многое и простит г. Жордания, но ему не оправдаться никогда в преступлении, содеянном им в момент гибели Грузии. И это его преступление выражается именно в утере тех провинций, ради которых якобы он сегодня ополчился. Если Батум все же остался в пределах Грузии, то и этим обязаны мы опять таки не г. Жордания, а верному грузинскому воинству.

Нам бы не хотелось останавливаться долго на этом больном вопросе. Время еще не пришло. Если не мы, то по

крайней мере, наши дети и внуки доживут до независимого историка независимой Грузии, который приподымет завесу над деяниями г. Жордания. Подведет итоги его ошибкам и преступлениям перед грузинским народом и в особую вину поставит ему: потерю Грузией своей независимости в 1921 г. и в связи с этим отторжение от грузинского тела вышеназванных земель.

Мы уже отметили, что в характере г. Жордания делать свои дела чужими руками. Этих рабочих рук у него всегда достаточно. В кампании против журнала "Кавказ" мы наблюдаем то же самое. От имени г. Жордания бегают другие, эмиграцию против "Кавказа" настраивают они, они созывают на собрания и выносят резолюции.

Но в то же время выходит официоз г. Жордания — "Брдзолис Хма" № 75, и в неподписанной статье (но бесспорно принадлежащей ему), под заглавием "Среди армян", мы читаем следующее:

"Кавказ занят Россией, а не Турцией, наша цель освободить этого пленника от его тюремщика. Они же (армяне) отвечают: Турция завладела большей частью Батумского округа, всей Карской областью и пр. Совершенная истина, — о фактах мы не спорим. Но когда они уравнивают два явления различных размеров — завоевание всего Кавказа с утерей его провинций — этим совершенно искривляется не только политическая линия, но и действительность. Редки два таких смежных государства, которые не имели бы тяжбы из за пограничных вопросов. Германия тягается с Чехословакией, Венгрия с Румынией и т. д. Эта тяжба должна разрешиться в будущем переговорами, арбитражем,

плебисцитом или иными культурными средствами. Но для этого важно, чтобы в первую голову существовал бы сам субъект, тягущаяся сторона, которая ищет своей естественной границы. Такие стороны в Европе существуют; у нас же этой стороной является Россия. Свободный Кавказ сам изыскал бы средства для разрешения своих пограничных споров, — в порядке дня стоит как раз, вопрос о независимости Кавказа. Но "Айреник" и "Усапер", напротив, в первую голову ищут утраченные провинции, их значение уравнивают со значением утраты всего Кавказа и склоняются к России".

Чуть ниже мы читаем следующее:

"Грузины целиком стоят на почве единения Кавказа, исповедуют неделимость грузинской территории, но в то же время они не плачут по волосам, когда им рубят голову. Чтобы сдвинуть арбу, нужно, чтобы волы стояли впереди арбы, а не позади".

Не нужно забывать, что приведенная статья имеет специальное назначение, г-ну Жордания не хватает армянских представителей — факт, который сильно тормозит его комбинацию. Для реализации своей "конфедеративной политики" ему необходимы армяне. В равной степени он чувствует так же, что для означенной политики, главным образом, ему нужна и благорасположенность Турции.

Вот он и учит обоих.

Теперь мы спрашиваем господ националистов, плетущихся за г. Жордания и, нет сомнения, читавших названную статью — в чем же разница между политикой журнала "Кавказ" и г.

Жордания? Тождество по существу вне всякого сомнения. А если есть разница в дальнейших добавлениях, то это лишь хамелеонство природы г. Жордания и его партии.

Нужно только удивляться в итоге сорокалетней деятельности г. Жордания, что еще выискиваются среди националистов лица, доверяющие ему и готовые забыть какую губительную и растлевающую роль сыграли у нас меньшевизм и большевизм. Мы же держимся того направления, что людей и партию с подобным прошлым нельзя рассматривать ни на минуту, как руководителей грузинского национализма.

Всю надежду будущности Грузии мы возлагаем на национальное оздоровление и укрепление нашего народа, а этому будет способствовать не укреплению г. Жордания, а "выкорчевка" меньшевизма-большевизма из грузинских национальных недр.

Для сознательного грузинского националиста иная оценка будущности нашей родины и не возможна. К тому же попытка спасти меньшевизм — обреченное дело, и он должен погибнуть вместе с большевизмом. Провозиться с меньшевизмом хоть одну лишнюю минуту уже преступление перед нашим народом.

Что же касается нашего отношения к "Кавказу", то мы тут руководствуемся тем фактом, что в этой группировке собрались такие грузинские деятели, как г.г. Г. Квинтадзе, З. Авалишвили, Г. Диасамидзе, В. Ахметели и Ш. Амiredжиби.

Бросать камень, вместе с г. Жордания, в этих людей, известных в грузин-

ской политической жизни, как лучшие патриоты, — мы не можем.

Пожалуй, наши расхождения с ними и более сложны, чем все эти "очковти-

рательства" г. Жордания и его "фронтов", но это дело наших национальных кругов и меньшевики тут не при чем.

Михаил Кедиа.

В Кружке изучения Кавказа

17-ГО МАРТА в "Кружке изучения Кавказа" кн. Д. Вачнадзе сделал доклад на тему: "Грузино-кавказские вопросы в свете нынешних событий". Доклад привлек много публики.

В начале председатель, монументальный И. Х. Завриев, сообщил в нескольких словах, что "Кружок" собирается отныне, не ограничиваясь изучением прошлого, уделять свое внимание и более злободневным вопросам. Отсюда мысль — устроить вечер Д. Вачнадзе.

Надо сказать, что в докладе, прочитанном с большим одушевлением, внимание уделялось и прошлому, иногда очень отдаленному, но не пренебрегалось и будущее, порою тоже не ближайшее. Что касается вопросов настоящего времени, то злободневными докладчик считал, повидимому, и такие предметы, как Карсский договор 1921 г., турецко-иранское соглашение о пересмотре границ в районе Арарата и другие темы такой же, весьма относительной свежести.

Особенно сильное впечатление произвело сообщение о существующем будто бы секретном соглашении между Турцией и Ираном относительно занятия каждой из этих держав соответствующей части Закавказья, т. е. как бы раздела Грузии, Азербейджана и Армении

между двумя южными соседями, в случае замешательства в СССР и на Кавказе. По сведениям докладчика, план этот выработан с ведома и одобрения Англии. Как видит читатель, секрет не был сохрнен, и мы теперь предупреждены. О туманный, о, коварный Альбион!

Говоря о советском и вообще российском империализме и о том, что приключилось с Грузией, кн. Вачнадзе очень образно доказывал право ягненка, пожираемого волком, в этот тягостный для него момент, хоть ножками дрыгать и как то сопротивляться. А впрочем, прибавил оратор, волк может ягненка (Грузию) скушать, да косточкой подавиться (Сталиным). Это сравнение имело успех.

Коснулся докладчик и "туркофильства" журнала "Кавказ". Под "туркофильством" он, как и его единомышленники, повидимому, разумеют хладнокровное отношение к существующей кавказо-турецкой границе, безмолвно признанной и Лозанским договором. По принятой в этом кругу терминологии признание наличной границы означает искусственное обострение кавказо-турецких взаимоотношений; требование же уступки Турцией Ардагана, Карса, Артвина и пр., есть знак добрососедской

дружбы. Впрочем, присутствовавшая на докладе ардаганская ударная бригада, т. е. группа "непризнающих" и "неотдающих" вела себя сравнительно сдержанно.

В предвкушении ирано-турецкой оккупации аудитория, повидимому, приуныла, но настроение ее приподнялось, когда после перерыва в последовавшем обмене мнений один из ораторов гарантировал присутствующим, что через три года советская Россия распадется, и что (к тому же времени или позже) подрастет Польша, станет великой державой, дотянется до Черного моря, и Кавказ освободится, наконец, из тисков альтернативы: Север или Юг. Эти предсказания действовали успокоительно.

В заключительном слове докладчик, ссылаясь на два или три тысячелетия грузинской истории, голосом, прерывающимся от волнения, говорил о готовности Грузии, в союзе с соседними народами (а если в этом союзе ей будет отказано, то хотя бы единолично) взять на свои плечи дело защиты вольностей Кавказа, против любого неприятеля.

Одушевление и подьем обеспечили оратору полную симпатию зала (тоже полного), и никому, конечно, не пришло бы в голову вспомнить по этому поводу старую сентенцию: "ваша внешняя политика должна быть согласована с вашей силой и силой тех союзников, на которых вы можете постоянно рассчитывать". Эта плоская истина — на нее только что ссылались в британском парламенте — звучала бы фальшью там, где в порыве вдохновения прозревалось будущее.

Всегда впрочем приятно послушать пророков — и даже гадальщиков на кофейной гуще — когда они говорят складно.

При всем апокалипсическом подходе к вещам, кое что Д. Вачнадзе говорил как бы от имени "национальных кругов" грузинского общества и "конфедератов", разумея, повидимому, окружение так называемого "национального правительства Грузии". И это не удивительно: прорицатели, и те нуждаются в точках споры на земле.

Алискант.

Обзор печати

КАК ПИШЕТСЯ ИСТОРИЯ.

В *Последних Новостях*, органе эмигрантов из России "демократического" лагеря, существует с некоторого времени отдел "Знаете ли вы?", долженствующий, очевидно, снабдить читателей необходимыми для культурного человека сведениями из политики, истории, лите-

ратуры и пр. Занятие довольно полезное... если бы, конечно, не та специфическая приправа, под которой эти полезные сведения подаются.

В номере от 1 марта газета захотела, между прочим, осведомить своих читателей относительно некоторых кавказских дел. Поставив вопрос: "Взаимоотношения тюрков и армян в Азербай-

джане в 1918-1919 гг.?", редакция дает следующее "полезное разъяснение".

«Между нами была страшная вражда. Тюрк, продавший армянину хлеб, соль или керосин, объявлялся «врагом нации». Десятки армянских селений были вырезаны тюрками. В ответ на эти зверства (подчеркнуто нами Ред.) армяне громили тюркские селения. Ханкенды (должно быть, Ханкенды), Зангезур, Шуша, Аскеран (?) и др. районы края были облиты пламенем. Город Шуша был обращен в пепелище. Армянское население частью было вырезано, частью бежало».

После чего редакция переходит к разъяснению сельско-хозяйственного значения Азербайджана, при чем разъяснение это делается в обычных для советских изданий новомодных выражениях: тут и субтропики, и чайные плантации и цитрусы и "Си-Айленды" и пр. Впрочем, и в освещении первого вопроса явно заметны советские выражения — "тюрки", "районы" (вместо уезды), да и Азербайджан то не ставится в кавычки, как это делалось раньше **Последними Новостями**.

Осветив таким образом в 10-ти строках тюрко-армянские взаимоотношения на Кавказе, редакция, продолжая свою серию полезных сведений для потомства, переходит в своем номере от 11 марта к освещению взаимоотношений между Азербайджаном и Грузией "во время их самостоятельности". И вот каким образом она определяет эти взаимоотношения:

«Чрезвычайно обостренные, из за требований Азербайджана присоединения к нему Закатальского округа, населенного

мусульманами. Началась таможенная война, которая несомненно (подчеркнуто нами Ред.) превратилась бы в настоящую, если бы не вмешательство союзников».

Можно угадать какое то скрытое сожаление газеты по поводу этой не имевшей места "настоящей войны".

Надеемся, что читатель угадал смысл и назначение этих наскоро схваченных моментов из "истории взаимоотношений кавказских народов", представляемых в нарочито искаженном виде "демократическими" эмигрантами из России таким же вполне "демократическим" читателям: надо доказать правильность тезы, которую развил однажды редактор этой газеты перед аудиторией в зале Географического Общества в Париже — кавказские народы самостоятельно жить не смогут, они будут "резать" друг друга, как резали в "1918-1919 гг.", т. е. когда Россия временно отсутствовала из "края".

При таком освещении вопроса, конечно, "демократы" из **Последних Новостей** могут обойти молчанием тот факт, что "страшная вражда" существовавшая между тюрками и армянами в 1918-1919 гг. была следствием "благодетельного" влияния русского правительства, которое провоцировало армяно-тюркские столкновения 1905-1907 гг. для своей политики *divide ut regnes*. До русского же господства на Кавказе история взаимоотношений кавказских народов таких печальных страниц не знала, даже в самый острый период феодальной борьбы, как и под владычеством других завоевателей.

ХРОНИКА

НОВЫЕ ТУРЕЦКИЕ ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ.

По сообщению египетской газеты «Аль-Ахрам», турецкий флот пополнился четырьмя новыми подводными лодками, под названием «Хаджимат», «Мафаркат», «Кафизат» и «Халилат». Две подводные лодки построены на турецких верфях в Гемлике (на Мраморном море, севернее Брусы) и две — на заводе Крупна в Германии.

МОНОГРАФИЯ О МИРЗА ШАФИ

Как передают бакинские газеты, в скором времени азербайджанский филиал Академии Наук выпустит монографию о Мирза Шафи.

По этому поводу не лишне напомнить, что стихи Мирза Шафи вышли впервые в середине 19-го века в Германии, в переводе немецкого путешественника и ориенталиста Боденштедта. Лирика эта имела шумный успех и выдержала с тех пор до 300 изданий на языках многих народов.

Иные были склонны думать, что Мирза Шафи — личность апокрифическая и что под этим именем скрывается сам издатель — Боденштедт. Монография, готовящаяся к печати, написанная, как уверяют газеты, на основании богатых исследований архивного и фактического материала, доказывает подлинность авторства Мирза Шафи, который был азербайджанский поэт, современник Мирза Фатали Ахундзаде. Советскому исследователю Ениколонову удалось, по материалам архивов Грузии проследить шаг за шагом историю пребывания Боденштедта в Тифлисе, его знакомство с Мирза Шафи, который преподавал тогда в местных школах, его литературные с ним связи и пр.

В монографии будут приведены доклады Боденштедта, мнение Мирза Фатали о Мирзе Шафи, материалы, указывающие на возможного составителя немецкого подстрочника его песен для Боденштедта, который, оказывается, был не кто иной, как Х. Абовьян, известный армянский писатель. Есть также много других интересных архивных документов и справок.

Монография выйдет на турецком и на русском языках.

«ЯПОНО-ГЕРМАНСКИЕ АГЕНТЫ» НА ЗАКАВКАЗСКОЙ ЖЕЛ. ДОРОГЕ.

Как известно, бывший директор Закавказской железной дороги, Розенцвейг, в свое время оказался «троцкистом» и «врагом народа»: при его дирекции аварии увеличились, транспорт оказался в беспорядке. Его «убрали»... и навсегда. Поставили на его место Павермана, «спеца» из самых многообещающих. Но положение дороги от этого не улучшилось: аварии еще больше увеличились, дорога не сумела справиться с перевозками важнейших грузов — нефти, угля, хлопка, руды, излишек в парке вагонов достиг небывалой до сих пор цифры — 6.000!

Ясно, Паверман оказался также «саботажником», да в придачу еще он руководил — по официальной большевицкой версии — «вредительской, диверсионно-шпионской организацией японо-немецких право-троцкистских агентов». Разумеется, организация теперь «разоблачена» и «выкорчевана» благодаря бдительности политотдела и тов. Берна, а на место Павермана, назначен тов. Арутюнов... который, если только аварии не перестанут повторяться, является прямым кандидатом в «дашнаки».